

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Махлаев Александр Викторович

**Метаморфозы русского национального сознания в
условиях острого политического кризиса**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель –
кандидат исторических наук, доцент
М.Ф. Цветаева

Москва 2006

Оглавление.

	стр.
Введение	3
Глава 1. Русское национальное сознание как исторически сложившаяся система и важнейший фактор политической сферы жизни Российского общества.....	29
Глава 2. Острый политический кризис и его зависимость от метаморфоз русского национального сознания.....	74
2.1. Предпосылки острого политического кризиса начала XX века	74
2.2. Метаморфозы русского национального сознания и их воздействие на ход острого политического кризиса (на примере Февральской революции 1917 г.).....	96
Заключение	125
Литература	133

Введение.

Политическое развитие общества невозможно без учета такого важного общественного явления как национальное сознание. То, что каждый народ имеет свои особенности в поведении и мировосприятии очевидно даже на бытовом уровне. Естественно, что эти же особенности не могут не оказывать своего влияния на развитие политической жизни общества. Политики и политические партии в ходе политической борьбы постоянно обращаются к чувствам и мыслям избирателей. Как правило, успеха у избирателей добивается тот политик или та политическая партия, которая может создать такую программу, которая соответствовала бы не только экономическим ожиданиям, но также чувствам и мироощущению избирателей.

Актуальность исследования. В связи с развитием демократических форм политической жизни общества, роль национального сознания, для деятельности политических партий и общественных институтов становится все более значима. Трудно переоценить то значение, которое имеет национальное сознание в процессе выборов. Практически все политики, так или иначе, пытаются «достучаться» до сердца избирателей, опираясь не только на рациональную, но и на этнопсихологическую часть сознания избирателей. Но, не менее важное значение, имеет учет особенностей национального сознания и в повседневной политической деятельности. Это необходимо и для правильного определения позиции отдельного политика, проводимых им экономических и политических реформ.

Несмотря на то, что вопрос о национальном сознании народов, в том числе и русского народа, имеет большую историю, на сегодняшний день вопрос о разработке цельной концепции структуры русского национального сознания, которая бы позволяла использовать ее как

исследовательский инструмент для изучения политического процесса, является открытым.

В работе будет уделено большое внимание определению наиболее важных, на наш взгляд, черт русского национального сознания, которые непосредственно влияют на политический процесс.

Гипотезой исследования является предположение о том, что каждый народ, который осознает свою национальную общность, имеет ряд психологических черт, свойственных в той или иной мере большинству членов этого народа. Такие общие этнопсихологические формы мышления проявляют себя в различных сферах жизни общества, в том числе и в политической. Можно с полной уверенностью говорить о том, что и в сфере политики имеется ряд устойчивых элементов сознания, которые влияют на поведение человека как субъекта политической жизни общества. В данной работе будет рассмотрен ряд таких устойчивых элементов и их метаморфозы в ходе острого политического кризиса. Народ воспринимает и положительно реагирует, как правило, на деятельность тех политиков, действия которых укладываются в понятные ему нормы, правила и стереотипы. Чем динамичнее политический процесс, тем влияние особенностей национального сознания на его ход становится значительнее. Это вызвано тем, что человек не имеет времени на продолжительный анализ возникающей политической ситуации, а действует в соответствии с ценностными установками, существующими в национальном сознании. Такие события в политической жизни общества как: революции, выборы, межэтнические конфликты или другие политические катаклизмы, когда общество не может путем долгих согласований формировать политический консенсус, а текущая политическая ситуация требует и от политика и от гражданина оперативного принятия решения, наиболее наглядно демонстрируют то, как особенности национального сознания влияют на ход политического процесса.

Новизна исследования. Новизна исследования заключается в том, что русское национальное сознание будет рассматриваться как самостоятельный и, при определенных обстоятельствах, решающий фактор политического процесса. В существующих исследованиях национальному сознанию, как правило, отводится роль фонового фактора. Исследования отечественных философов и социологов, посвященные роли национального сознания в политическом процессе обычно проецируются на значительные периоды времени и не рассматривают этот фактор, как активный элемент политических событий, тем более событий связанных с острыми политическими кризисами. При этом порок о русском национальном сознании как о важном факторе политической жизни общества, как о факторе влияющем на процессы формирования политических институций общества, также обходится стороной.

Таким образом, проблема влияния национального сознания на ход стремительно развивающихся политических кризисов, когда ситуация меняется в течении 1-2 недель, не стала пока предметом исследований. В этой связи в качестве своеобразной модели используется и анализируется фактологический материал острого политического кризиса первой половины 1917 г.

Предмет исследования. Предметом данного исследования являются метаморфозы русского национального сознания, которые выступают важнейшим фактором острого политического кризиса. Выбор в качестве примера периода с февраля по июнь 1917г. обусловлен, прежде всего, тем, что данный политический кризис во многом развивался стихийно, и в нем приняли участие широкие слои населения. В таких условиях такой фактор как национальное сознание имеет возможность проявить себя в полной мере в политической сфере жизни общества. Большие массы народа, которые были вовлечены в активную политику, ориентировались, прежде всего, на уже имеющиеся традиционные представления и нормы,

а соответственно, и политики были вынуждены следовать в русле этих представлений.

Объект исследования. Объектом данного исследования является процесс влияния русского национального сознания на политические процессы и политические решения, а также деятельность отдельных политических лидеров. Зависимость политической жизни от особенностей национального сознания в настоящее время, осознается обществом в полной мере. Но роль и место влияния национального сознания на политический процесс, степень воздействия и результат не могут анализироваться вне конкретных временных рамок и без учета специфики исторической ситуации. По мнению автора наиболее ярким периодом отечественной истории, на примере которого можно проследить процесс влияние особенностей русского национального сознания на политический процесс, является февральская революция 1917 г.

Анализ этого периода истории позволяет проследить как сам процесс влияния, так и его результаты. Привлечение исторического материала позволяет иметь достаточную фактологическую базу для разработки темы данной диссертации.

Цель исследования. Целью данного исследования является определение роли русского национального сознания и его метаморфоз как важнейшего, а, в отдельных случаях, и решающего фактора, влияющего на ход политического процесса в условиях острого политического кризиса.

Задачи исследования. В ходе исследования будут решаться следующие задачи:

1. определение русского национального сознания как важного фактора политической жизни российского общества;

2. выявление структуры русского национального сознания с использованием утвердившихся в научной литературе признаков;
3. выяснение зависимости деятельности политических партий и отдельных политических деятелей от особенностей русского национального сознания;
4. анализ процесса возникновения метаморфоз русского национального сознания в условиях острого политического кризиса;
5. характеристика русского национального сознания и его метаморфоз как одного из важнейших факторов влияющих на ход и развитие политического процесса;
6. выявление процесса воздействия на ход политического кризиса русского национального сознания и его метаморфоз на конкретном историческом примере политического кризиса февраля-июня 1917г., а так же событий 1991-1993г.

Теоретико-методологическая база исследования.

Методологическую базу исследования составили положения материалистической диалектики и системного анализа, а так же исторический и логический подход к исследованию роли русского национального сознания в политическом процессе. Ввиду того, что данная проблематика затрагивает широкий круг обществоведческих проблем, то применялся, в том числе и междисциплинарный подход к исследованию темы диссертации. Основными методами исследования при работе с литературой являлся системно-логический анализ общей и специальной литературы.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых. Используются достижения в области философии, политологии, этнологии, антропологии, истории, социальной психологии и других общественных дисциплин.

В связи с тем, что важным элементом работы является описание роли русского национального сознания как важного фактора политической жизни общества на конкретном примере политического кризиса 1917 г., в работе над диссертацией были использованы работы по истории Февральской революции 1917г., мемуары участников тех событий, архивные документы.

Структура диссертации. Структура диссертации обусловлена целью, задачами и внутренней логикой исследуемой проблемы. Она состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы. Первая глава «Русское национальное сознание как исторически сложившаяся система и ее влияние на политическую сферу жизни Российского общества» - посвящена исследованию наиболее важных черт русского национального сознания, которые проецируются на политическую сферу жизни общества. Вторая глава - «Этнополитическая ситуация накануне Февральской революции и метаморфозы русского национального сознания в ходе острого политического кризиса» посвящена исследованию наиболее важных факторов политической жизни страны в начале XX века и тому, как метаморфозы русского национального сознания, происходящие в условиях острого политического кризиса первой половины 1917 г., влияли на его ход и развитие.

Научно-практическая значимость.

Теоретические выводы и рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы как в целях повышения эффективности государственной политики, так и в интересах дальнейшего совершенствования социальных механизмов обеспечения политических и межэтнических взаимоотношений. Частные выводы и положения диссертации могут оказать существенную помощь работникам политических структур всех уровней. Основные положения работы могут быть использованы при политическом консультировании

субъектов политической деятельности, а так же профессорско-преподавательским составом в учебном процессе в высших учебных заведениях.

Основные идеи и положения диссертации изложены автором в научных статьях и тезисах конференций. Общий объем публикаций по теме диссертации – 4,2 п.л.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблемы национального сознания, его влияния на развитие социальных и политических процессов в обществе, были и остаются актуальными в отечественном обществоведении.

С древних времен лучшие умы Земли Русской стремились осмыслить место и роль России и Русского народа в этом мире. Среди них Иларион, Нестор, монах Филофей, Нил Сорский, этот перечень имен можно продолжать и продолжать. Всех мыслителей объединяла вера в богоизбранность русского народа, призванного осуществить высшую христианскую миссию в мировой истории, возложенную на него Творцом. Это убеждение нашло своё выражение в представлениях о Руси, как народе Святой Софии и Киеве как Третьем Иерусалиме (Иларион, Нестор), в идее «Святой Руси» (получившей повсеместное распространение в связи с духовным подвижничеством Сергия Радонежского и Нила Сорского - XIV-XV века), теории «Москва - Третий Рим» Филофея, принципах православно-культурного руссизма и византизма славянофилов. Названные представления, несмотря на имеющиеся между ними различия, говорят, в сущности, об одном: Россия имеет во всемирной истории особую миссию, связанную с утверждением истинно христианского, т.е. православного начала. Согласно этому своему предназначению она должна духовно преобразить мир светом своей святости, стать итогом земного пути христианства. Так, родоначальник русского мессианизма, митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати», воздавая хвалу

князю Владимиру за крещение им русской земли, подчеркивал, что именно Русь является хранителем Христовой истины и благодати.

Началом научного изучения проблемы русского национального сознания можно считать 30-тые годы XIX века. Это произошло в рамках знаменитого спора между западниками и славянофилами, взгляды которых, при всех противоречиях, можно рассматривать не как противоположности, а как части некоего противоречивого целого. А.И. Герцен сравнивал западничество и славянофильство с Янусом, а так же с двуглавым орлом, у которого бьется одно сердце.¹ В группу западников входили В. Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Г.Н. Грановский, П.Н. Аненков, В.П. Боткин и др. К славянофилам относились А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, А.С. Кошелев и др.

Признанным лидером славянофилов был А.С. Хомяков. Практически именно он разработал систему мировоззренческих взглядов славянофилов. Ценностной основой мировоззренческой концепции Хомякова стали – Православие и Россия. «В сочетании Православия и России и есть та общая узловая точка, в которой все мыслители этой группы сходятся», - пишет В. В. Зеньковский.² А.С. Хомяков, а вместе с ним и его сторонники, полагали, что особенная форма, в которой Россия восприняла основы христианской цивилизации, обусловлена русским православием. Именно через него русский народ, как главный строитель российской государственности, приобщился к цивилизации христианского типа, стал создателем культуры. Общими характеристиками учений каждого из славянофилов были христианский универсализм и гуманизм.

Западники, считали, что Россия может развиваться на тех же принципах, что и Западная культура, полагая, что различие только в том, что Россия отстает в развитии.

---

¹ Герцен. А. И. Собр. соч. в 30 т. М.: АН СССР, 1956. т. 9 С. 170

² Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: ЛГУ, 1986. Т.1. Ч. 2 С. 6.

Подъем русского национального самосознания они связывали с обогащением новейшими европейскими идеями. Но это не был бездумный перенос модных идей на отечественную почву, это была глубокая работа по осознанию самобытности России в контексте изменений идущих в мире.

На смену литераторам постепенно приходят философы. Одним из первых кто попытался философски осмыслить особенности русского общества через развитие личности, был К. Д. Кавелин. Его репутация как создателя самобытной антиславянофильской концепции русской истории утвердилась в 1847 г. с появлением в «Современнике» статьи «Взгляды на юридический быт древней России.», сразу сделавшей К.Д. Кавелину имя и принесли массу восторженных отзывов. В.Г. Белинский, высказываясь по поводу статьи в письме А.И.Герцену выражал надежду, что с этой статьи:»...начнется философское изучение нашей истории.»³ Под влиянием гегелевской философии в России в 1840-х годах был широко распространен взгляд, согласно которому в основе развития германских племен лежало личностное начало, определившее всю дальнейшую послеантичную европейскую историю. К.Д. Кавелин полагал, что в России личностное начало проявилось позже, чем в Европе и принципиально иначе - через распадение «родового» быта, укрепление быта семейного, последующий его распад и возникновение сильного государства. «Юридическая личность у нас, можно сказать, едва народилась и продолжает и теперь поражать своею пассивностью, отсутствием почина и грубейшим, полудиким реализмом. Во всех слоях нашего общества стихийные элементы подавляют индивидуальное развитие.»⁴ - писал в своей статье К.Д. Кавелин. Заслуга К.Д. Кавелина заключается в том, что он одним из первых отметил то разное отношение

---

³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М.: Правда,1956.Т.12 С. 267

⁴ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С.314

к политическим и юридическим институтам общества, которое имеется у европейцев и русских.

Другой важной работой в этом направлении можно считать доклад под названием «Русская идея», прочитанный Вл. Соловьевым в Париже в 1888г.

В докладе он весьма определенно высказывался против националистической ограниченности русской культуры, подчеркивая, что лицо нации определяется высшими достижениями ее духовности, ее вкладом в мировую цивилизацию. Не разделение, а синтез, культурно-историческое единство человечества, в основе его взглядов. Вл. Соловьев выдвигает религиозно-универсалистскую концепцию преобразования русской жизни, основанную на ценностях православия. Он полагает, что совершенствование и углубление христианского существования нации, возможно как разумное самоограничение, развитие общественной свободы, служащее вселенским идеалам добра и справедливости. В этом смысле предшественниками Вл. Соловьева являются ранние славянофилы, в том числе и К. Аксаков, который писал о существовании народного «русского воззрения».

Соловьевскую линию исследования духовной жизни русской нации продолжили представители русского культурного ренессанса начала XX века - С. Н. Булгаков⁵, Г.П. Федотов⁶, Н. А. Бердяев⁷, и другие, в работах которых не только исследовались проблемы русского национального сознания, но и велись разработки самобытных политологических концепций, которые во многом опирались именно на учет особенностей

---

⁵ Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) //

Христианский социализм: Споры о судьбах России. Новосибирск.:

Паломник, 1991.

⁶ Федотов Г.П. Письма о русской культуре. В. Кн.: Русская идея. М.:

республика, 1992.

⁷ Бердяев Н.А. Душа России. Л.: Сказ, 1990.

русского национального сознания как фактора политической жизни русского общества.

Особенно широко вопрос о русском национальном сознании был поставлен в трудах Н. А. Бердяева. Итогом многолетних раздумий явилась написанная им незадолго до смерти книга «Русская идея».⁸

Основополагающая идея работ Н.А. Бердяева о русском национальном сознании - двойственность «русской души», противоречиво совмещающей в себе восточный и западный элементы. Из данного базисного противоречия Н.А. Бердяев выводит все сущностные конфликты русской истории. Русский народ, неоднократно подчеркивает в своих книгах Н.А. Бердяев, можно охарактеризовать лишь в полярных противоположностях: он с одинаковым основанием может считаться и государственно-деспотическим и анархически-свободолюбивым, склонным к национальному самомнению и более всех способным к всечеловечности, жестоким и вместе с тем способным к доходящему до болезненности состраданию. Эти духовные качества, утрачивая непосредственную связь с религиозными источниками приобретают иное содержание, переключаясь на иные цели, и воплощаясь в политической жизни общества.

Он выделяет целый ряд признаков русского национального сознания такие как: мессианиззм, соборность, кенотизм, терпимость, религиозность, коллективизм и др., описывая их проявление через призму исторических событий. Но та эклектичность, с которой он подходит к описанию русского национального сознания не позволяет ему создать цельной картины. Коренной логический изъян, который присутствует во взглядах философа: попытка объяснить с помощью такого понятия как «русская душа» весь исторический ход русской истории. Н.А. Бердяев как бы оказывается в замкнутом круге. Понимая, что «русская душа» никак не может быть принята за нечто изначально

---

⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Наука, 1990.

данное, он, однако, показывает процесс обратного влияния истории на формирование русской души. Но, несмотря на это, вычленение основных этнопсихологических признаков религиозно-политического сознания русской нации, сделанные Н.А. Бердяевым, имеют важнейшее значение для понимания политической жизни русского общества с позиций национального сознания.

В политологическом плане, взгляды Н.А. Бердяева, которые он сформулировал в послереволюционный период, можно охарактеризовать как «мистический иерархизм». Его не устраивало ни правовое государство, ни самоопределение наций. Все это для него – антиисторические абстракции, выдуманные революционерами-интеллигентами. «Существует сложная иерархия национальностей, - писал он. – Бессмысленно и нелепо уравнивать права на самоопределение русской национальности и национальности армянской, грузинской или татарской... Вопрос о правах самоопределения национальностей не есть вопрос абстрактно-юридический, это прежде всего вопрос биологический, в конце концов мистико-биологический вопрос.»⁹

После революции 1905 года исследование русского национального сознания проходит в контексте осмысления роли интеллигенции в истории страны. В 1909 году лучшие представители российской интеллигенции выпустили сборник «Вехи», в котором имелся анализ роли интеллектуальной части в обществе, как носителя духовных идеалов нации, и заявка на пересмотр ее традиционных ценностей.¹⁰

---

⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье: Из истории социальной мысли. Л.: Наука, 1995. С182.

¹⁰ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск.: Издательство Уральского университета, 1990.

Идеи, которые были изложены в «Вехах», нашли свое развитие в другом сборнике статей, но вышедшему уже в эмиграции, - «Из глубины.»¹¹

После Октябрьской революции изучение национального сознания в основном продолжилось теми деятелями культуры, которые по тем или иным причинам оказались на Западе. Наиболее показательной в этом плане является творческая деятельность таких религиозных философов, как С. Н. Булгаков, Г.П. Федотов и И.А. Ильин.

В плане политических взглядов С. Н. Булгаков развивал идеи «христианского социализма». По его мнению, социализм и христианство сближает, во-первых, «отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти», т.е. уничтожение «коренной неправды» капиталистического строя, во-вторых, четко выраженное стремление к ограничению роли государства, «упразднению» насилия, деспотизма, бюрократической опеки со стороны «государственного Левиофана», в-третьих, признание всеобщей обязательности труда и объявление войны «праздности и тунеядству».¹²

Г.П. Федотов, анализируя российскую и европейскую действительность, он писал, что Россия, как и все страны мира, идет в общем направлении разрушения самобытности национальных культур, и что революция просто очень ускорила этот процесс. Он доказывал несостоятельность утверждений, о свойственной русскому человеку особой «природной религиозности». Уровень секуляризации России коммунистической он считал идентичным тому уровню, который уже

---

¹¹ . Из глубины: Сборник статей о русской революции С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

¹² Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм: Споры о судьбах России. Новосибирск.: Паломник, 1991. С. 33.

имелся на Западе.¹³ И в то же время он верил в то, что социализм в единстве с христианством способен стать основой «проекта будущего»¹⁴.

И.А. Ильин - сторонник традиционных духовных ценностей, выступал оппонентом по отношению к более свободно относившимся к православию мыслителям русского зарубежья, например к Н.А. Бердяеву. И.А. Ильин полагал, что основы русского национального сознания будут строиться на традиционной православно - крестьянской основе. В этом же направлении он развивал и свои политологические взгляды. Он утверждал, что, во-первых, главенство принадлежит народному правосознанию, воплощающему идею «духовно-правовой общины», а во-вторых, правосознанию индивидуальному, вытекающему из сознания автономии и свободы личности. По мнению И.А. Ильина для России подходит только монархическая форма государственного устройства. И.А. Ильин, так же как и Г.П. Федотов, утверждал, что кризис русской культуры в XX веке глубже кризиса в сфере отечественной экономики и политики, поскольку затрагивает фундаментальные основы нашей духовности. Вместе с тем, он глубоко верил в великое будущее России.

Так же в политологическом плане необходимо отметить такое направление как «евразийство». Формулировка этой доктрины принадлежит Н.С. Трубецкому. Основным тезисом ее было то, что никакой единой европейской культуры нет и Россия это отдельное, самостоятельное этнокультурное образование. Большой вклад в разработку политологических идей евразийства внес Л.П. Карсавин. Он считал, что государственный порядок должен устанавливаться не в интересах социальных групп, а только из потребности сохранить общество как целое, неделимое, и потому само по себе обладающее

---

¹³Федотов Г.П. Письма о русской культуре. В. Кн.: Русская идея. М.: Республика, 1992.

¹⁴Федотов Г.П. Письма о социализме // Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. Статьи. Спб.: Мысль, 1994 С. 108.

«самостоятельной мощью», или «суверенностью». «Правящий слой не такой же субъект, как субъекты хозяйства и духовной культуры; он как бы порождается ими для того, чтобы они через него и над собою властвовали.»¹⁵ Он считал, что это делает государство, с одной стороны децентрализованным, поскольку оно выражает не свою эгоистическую, а соборную волю, а с другой вследствие сохранения иерархии, - содействует в сильнейшей степени его централизации. Н.А. Бердяев не без основания называл это «утопическим этатизмом».

Из зарубежных авторов этого периода, работы которых не посвящены непосредственно проблемам русского национального сознания, но чьи исследования имеют важное значение для изучения проблемы национального сознания как общественного феномена, нужно отметить работы немецких социологов В. Вундта¹⁶ и Г. Штейнтала,¹⁷. По их мнению, национальное сознание - это продолжение индивидуальной психологии в качестве психологии «общественного» человека. Для всякого индивида именно этот союз, который формирует народ, и является абсолютно необходимым.

Следует обратить внимание на то, что, начиная с конца XIX века, работы социологов, посвященные национальному сознанию, составляют отдельное направление, получившее определение социальной антропологии, а в дальнейшем - этнологии. Рубеж XIX-XX века отмечен многочисленными вариантами целостных этнопсихологических

---

¹⁵ Карсавин Л.П. Основы политики //Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С.197.

¹⁶ Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН; Издательство «КСП+» 1998.

¹⁷ Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология. // В.А.Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. М.: Наука, 1990.

концепций. В особенно выделяются работы таких авторов как: В. Вундт в Германии¹⁸, У. Риверс в Англии¹⁹, Л. Леви-Брюль²⁰ во Франции и др.

Наибольший вклад в развитие этнологии внес американский ученый Ф. Боас, идеи которого на десятилетия определили ход развития этнологии на Западе. Направление созданное им несколько раз меняло название, оно именовалось сначала «Исторической школой Боаса», затем школой «Культура и личность», затем исследованиями национального характера, а в настоящее время психологической антропологией, или реже, этнопсихологией. Продуктивность воззрений Ф. Боаса заключалась в его методологических подходах, в частности в том, что каждая культура имеет свой уникальный путь развития. Культура, в понимании Ф. Боаса, это совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления и принятия им своей культурной роли.²¹

Идеи своего учителя развивали две его ученицы Р. Бенедикт и М. Мид. Р. Бенедикт пришла к выводу, что человеческое сознание очень податливо и окружающая человека культура может лепить из него все, что угодно. В ходе этого сложного процесса взаимодействия личность становится частью культуры ее носителем, малым микрокосмосом. Но данный подход привел к тому, что Р. Бенедикт стала классифицировать различные народы, по некоторым общим признакам, полагая что существует ограниченное число определенных универсальных культурных моделей.²²

---

¹⁸ Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа М.: Наука, 1998.

¹⁹ Rivers W. H. Observations on the senses of the Todas // J. of Psychol. 1905 г.

²⁰ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.,1930.

²¹ Аверкиева. Франц Боас//Институт этнографии. Краткие сообщения. М.:1946. Вып.1.

²² Benedict R/ Partners of Culture. – Boston and New York. 1934 .

М. Мид, развивая идеи своего учителя Ф. Боаса, пыталась подтвердить его тезис об уникальности культур путем исследования периодов взросления у отдельных народов. При этом, она приходила порой к весьма парадоксальным выводам. Так, она считала, что импульсивность национального сознания русского народа, которая проявляется в истории бунтами и революциями, зависит от того, что в России принято туго пеленать младенцев, поэтому уже в раннем детстве формируется стремление к анархической свободе.²³

В плане изучения русского национального характера нужно отметить работу Г. Гогера, также относящегося к школе Ф. Боаса. В конце сороковых годов он написал ставшую очень популярной работу о русском национальном характере. В основе его взглядов лежало стремление рассматривать каждую культуру как сложную конфигурацию, связанную единой, общей культурной темой. Но его исследования носили так называемый «дистанционный характер». «Эта книга – указывал он, – не основана на моем собственном опыте и наблюдениях. Как «интурист», я совершил две короткие поездки в СССР в 1932 и 1936 гг. Мое знание русского языка было и остается рудиментарным: я могу разбирать простые тексты с помощью словаря.»²⁴

В целом, в изучении проблемы национального характера в западной литературе утвердилось два основных подхода: культурно-центрированный и личностно-центрированный. М. Мид и Р. Бенедикт можно считать сторонниками культурно-центрированного подхода. Личностно-центрированный подход был положен в основу работ таких

---

²³ Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.

²⁴ Gorer G. Rickman J. The people of Great Russia: a Psychological Study. – London. 1949. P.8

ученых как А. Инкельс и Д. Левенсон.²⁵, которые исследовали национальный характер через призму понятия «модальной личности». Суть воззрений заключается в том, что существует несколько типов модальных личностей и своеобразие культуры зависит от того, насколько тот или иной тип распространен в данной культуре. По их мнению, своеобразие каждой культуры зависит, прежде всего, от процентного соотношения присутствия в культуре разных типов. Очевидно, что подобные рассуждения не более чем теоретическая абстракция.

В Советской России исследователи реже обращались к проблеме национального сознания, но нельзя сказать, что эта работа не велась совсем. Наибольший интерес вызывают работы Г.Г. Шпета, стараниями которого был организован первый в России кабинет этнической психологии. Анализируя этнические особенности того или иного народа, Г.Г. Шпет пытался разработать методологию изучения этой проблемы. «Этническая психология, - писал он в одной из своих работ,- есть описательная филологическая наука, она ищет не логического общего верховного понятия для своих категорий, а такого понятия, которое предъявляет, в свою очередь, общинный тип. Народ есть такое, всегда создающееся, историческое целое. Народ в этом смысле есть прямая задача этнической психологии, которой подчинены все частные ее задачи как составные элементы этого целого в их текущих, исторически меняющихся соотношениях и взаимодействиях.»²⁶

В основном же, в советской науке изучение национального сознания опиралось на высказывания Ф. Энгельса, который, например, сравнивая

---

²⁵ Inkeles A., Levinson D.J. National Character: The study of Modal Personality and Sociocultural Systems//Lindzer C., Aronson A. The Handbook of Social Psychology.

²⁶ Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии; Воронеж.: МОДЭК, 1996.

развитие Англии, Франции и Германии в 18 веке отмечал, что «английский национальный характер существенно отличен как от немецкого, так и от французского.»²⁷ Вместе с тем, следует отметить известное разнообразие подходов к исследованию проблемы. Вычленялись такие компоненты как психологический склад нации или ее характер. Довольно широкое распространение получил подход, при котором национальный характер и психологический склад объединялись в единое целое и рассматривались как один из признаков этнического образования.

В то же время существовала точка зрения, которая полностью отрицала наличие такого феномена как «национальное сознание» вообще. «Такие компоненты как: психический склад», «национальный характер», по словам С. А. Токарева, в проблему об этнической общности «кроме тумана, ничего не вносят».²⁸

В настоящее время имеется значительная терминологическая путаница по всему кругу вопросов, касающихся проблем этнического сознания. «Одних и тех же ученых, работающих в разных направлениях антропологии, называют то антропологами, то этнологами. Какие бы определения ни давались в словарях этнологии и антропологии, как бы ни проводились границы между ними разными авторами, устоявшаяся на сегодняшний день практика игнорирует все эти различия.»²⁹ Не менее сложная картина наблюдается и в сфере исследования национального сознания как социологического и политологического феномена. В литературе встречаются такие термины как: этнические стереотипы, этнические архетипы, этнические психотипы, этнополитические

---

²⁷ Маркс. К. Энгельс. Ф. Соч. Т.1 1960. С. 402 .

²⁸ Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей. В.Ф. 1964. №4. С. 4.

²⁹ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997.

стереотипы и пр. и пр. Недавно вышедший этнологический словарь, к сожалению, не прояснил ситуацию³⁰.

Если говорить о современном состоянии изучения проблемы русского национального сознания в нашей стране, то необходимо отметить, появление целого ряда работ, в которых вопросу национального сознания, его влиянию на политический процесс и историю России в целом, уделяется значительное внимание. Можно с полной уверенностью сказать, что в настоящее время формируется отечественное направление в этнологии и этнической политологии. Разрабатываются не только отдельные аспекты этнологии, а предлагаются целые методологические концепции, которые могут быть выделены в самостоятельные научные дисциплины. В последнее время защищен ряд докторских диссертаций по данной проблематике: МГУ., Т.Г. Стефаненко «Социальная психология этнической идентичности»; МГУ., Г.У. Солдатова., «Психология межэтнической напряженности в ситуации социальной нестабильности»; Кубанский университет Краснодара, М.В. Савва «Этнический статус: анализ социально-политического феномена» и др.

Опубликован ряд монографий, авторы которых Т.Г. Стефаненко,³¹ Н.И.Козлова³², И.А. Джидарьян.,³³ А.А. Налчаджян³⁴, Д. В. Ольшанский³⁵ и др. исследуют проблему национального сознания в самых разных, в том числе и политических аспектах.

---

³⁰ Товадов Г.Т. Этнология. Словарь-справочник. М.: МГУ, 1998.

³¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2003.

³² Козлова Н.Н. Социально-историческая психология. М.: Наука, 1999.

³³ Джидарьян И.А. Представления о счастье в российском менталитете. СПб.: Алтейя, 2001.

³⁴ Налчаджян А.А. Этническая характерология. Ереван.: Огебан, 2001.

³⁵ Ольшанский. Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург.: Деловая книга, 2001.

Особо следует выделить работы С.В. Лурье,³⁶ которая предлагает целостную концепцию роли национального сознания в историческом процессе, определяя ее как основу самостоятельной научной дисциплины – «историческая этнология». Используемый ею теоретический подход позволяет рассматривать исторический процесс и политические процессы с корреляцией на конкретный исторический период, при этом, не нарушая целостности истории народа. Благодаря этому, определяется роль национального сознания как важнейшего элемента политической жизни общества. Ценность этой концепции заключается еще и в том, что она достаточно универсальна, что позволяет применять ее для изучения политической жизни различных народов.

Так как, важной частью данной работы является демонстрация влияния русского национального сознания на ход острого политического кризиса на примере Февральской революции, то необходимо несколько слов сказать и об изучении в отечественном обществоведении данного исторического периода.

Если говорить в целом о литературе, посвященной событиям 1917 г., то объемы ее могут показаться, на первый взгляд, просто колоссальными. Только за период с 1957-1959 гг. в нашей стране вышло около 7000 различных научных работ, было издано 128 документальных сборников. Но их анализ показывает, что большинство работ страдают параллелизмом и зачастую просто повторяют друг друга. В тоже время, работ посвященных специально событиям Февральской революции не так уж много. Это можно объяснить тем, что Февральская революция рассматривалась как пролог Октябрьской революции и потому изучение событий февраля 1917 г. было как бы на втором плане.

В целом, работы посвященные событиям Февральской революции, можно разделить: во-первых, по периодам их написания, а во-вторых по месту где они написаны.

---

³⁶ Лурье С.В. Историческая этнология М.: Аспект-Пресс, 1998.

Первыми работами, посвященными событиям февраля 1917 г. были документальные сборники и «хроники» революции. Наиболее известная из них – «Хроника революции», редактором которой был Н. Авдеев,³⁷ - отличается относительно объективной передачей фактов, имевших место день за днем с самого начала Февральской революции. Наряду с «Хроникой революции» появляются работы меньшевиков и работы явных противников большевиков. Характерна в этом отношении, например, изданная в те годы и выдержавшая несколько изданий, составленная С. А. Алексеевым трехтомная «Революция и гражданская война» в описаниях белогвардейцев, где появляются свидетельства таких «тузов контрреволюции», как П.Н. Милюков³⁸, А.Ф. Керенский³⁹, М.В. Родзянко⁴⁰, А.И. Деникин⁴¹, С.В. Лукомский⁴² и многие другие.

В двадцатых годах XX века были опубликованы книги и воспоминания иностранных послов, бывших свидетелями кануна и развития революции, а также материалы о последних годах и месяцах старого режима, основанные на показаниях, записках и дневниках министров, членов царской семьи и т.д. Из их числа следует выделить стенографические отчеты специально учрежденной Временным правительством следственной комиссии, имевшей целью расследовать незаконные деяния царских министров и высших сановников. Нужно отметить, что в этой комиссии работал, в качестве секретаря, поэт А. А.

---

³⁷ Авдеев Н. А. Революция 1917 года. Хроника событий. М.: Рабочий, 1923.

³⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.

³⁹ Керенский А. Ф. На историческом переломе. М.: Прогресс, 1991.

⁴⁰ Родзянко М. В. Крушение империи./АРР. М.: Terra-Политиздат, 1993.

⁴¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Воениздат, 1994.

⁴² Лукомский А. С. Из воспоминаний./АРР. М.: Тера-Политиздат, 1991.

Блок, написавший интересную работу под заглавием «Последние дни старого режима».⁴³

В это же время появляются и первые монографии. Написаны они в основном большевиками, которые принимали активное участие в описываемых ими событиях. Среди них: А.Г. Шляпников⁴⁴, В.И. Невский, А. С. Бубнов, В.А. Антонов-Овсеенко, Ф. Ф. Раскольников.

В начале тридцатых годов Сталин пишет «Письмо в редакцию» в журнал «Пролетарская революция», в котором он разоблачает окопавшихся в нем «либералов», «оппортунистов» и «троцкистов». Начинается расправа с историками большевиками. Самой известной работой этого периода стал «Краткий курс ВКП(б)». Появившийся в 1938 г., он был переведен на многие языки мира и издан в пятидесяти миллионах экземпляров.

В 50-60-х годах ситуация несколько меняется. Развенчание культа личности Сталина внесло некоторые изменения в характеристику событий 1917 г. К числу наиболее заметных работ этого периода можно отнести книгу Э.Н. Бурджалова «Вторая русская революция».⁴⁵ Эта книга задумывалась как многотомная история революции. Первый том этого труда посвящен восстанию в Петрограде, т. е. первым дням революции и образованию Совета и Временного правительства. Не менее интересна и трехтомная работа И.И. Минца «История Великого Октября».⁴⁶ Историографическая ценность этой работы заключалась в том, что она

---

⁴³ Архив Русской Революции, т. 6, А. Блок. Последние дни Старого Режима. Берлин. 1922.

⁴⁴ Шляпников А. Г., Накануне 1917 года. М.: Республика, 1992.

⁴⁵ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971.

⁴⁶ Минц И. И. История Великого Октября. В трех томах.//Т.1. М.: Наука, 1967.

давала возможность советским читателям познакомиться с основными концепциями западных исследователей.

В 70-80-х годах выходит достаточно большое количество работ посвященных Февральской революции, но они в основном носят специализированный характер, и освещают какой-то отдельный аспект этих событий. Такова книга И.П. Лейберова и С.Д. Рудаченко «Революция и хлеб»,⁴⁷ где рассматриваются события 1917 года, а также монография Н.Г. Думовой⁴⁸, посвященная деятельности ведущей буржуазной партии - партии кадетов.

Из работ, непосредственно анализирующих события февраля 1917 года, нужно отметить монографию В.И. Старцева «27 февраля 1917 года»⁴⁹, где автор подробно рассматривает процесс нарастания революционного подъема и ход революции, свергнувшей самодержавие.

Среди изданных на Западе историй русской революции, нужно выделить работу американского автора У. Чемберлина «Русская революция», вышедшая в 1935 году⁵⁰, в которой просто и доступно изложены события революционных дней. В трудах большинства западных авторов, посвященных истории Советской России отводится не так уж много места событиям 1917 г. Так, в многотомной Истории Советской России, английского историка Э. Кара события, имевшие место в 1917 году, занимают всего 35 страниц.⁵¹

---

⁴⁷ Лейберов И.П., Рудаченко С.Д., Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990.

⁴⁸ Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988.

⁴⁹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука, 1980.

⁵⁰ W.H. Chamberlin. The Russian revolution, 1917-1921. Vol. I-II. New York, 1935.

⁵¹ Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923 гг. М.: Прогресс, 1990.

Работа Г.М. Каткова⁵², изданная в Соединенных Штатах в 1967 г., интересна тем, что автор задался целью ответить на вопрос о причинах, вызвавших революцию, об ее первых днях и об образовании Петроградского совета и Временного правительства. Изучив множество первоисточников, автор склоняется к мысли, что революция была вызвана преимущественно подрывной деятельностью немецких агентов, стремившихся деморализовать восточный фронт и склонить Россию к заключению сепаратного мира. Г.М. Катков считал, что либеральная оппозиция, пытаясь использовать создавшееся положение для давления на царя с целью добиться от него политических уступок, фактически способствовала возникновению революции. Основную роль, по мнению, Г.М. Каткова, сыграла деятельность главнокомандующих фронтами, в частности генералов Н.В. Рузкого, А.А. Брусилова и даже начальника генерального штаба М.В. Алексеева. Большое внимание в книге уделено документам, проливающим свет на связи В.И. Ленина и его доверенных лиц с немецкими агентами, стремившимися вызвать революцию в России.

Кроме «полных» историй о революции, на Западе были опубликованы работы, посвященные отдельным эпизодам революции, отдельным партиям и лидерам. Особняком в этом списке стоят исторические работы С.П. Мельгунова,⁵³ представляющие большой интерес. Активный член Московской организации народных социалистов в дни революции Мельгунов проделал огромную работу по изучению отдельных решающих фаз революции.

Из работ, посвященных событиям революции или деятельности учреждений, ею созданных, нужно упомянуть исследование о Советах

---

⁵² Катков, Г. М. Февральская революция, М.: Русский путь, 1984.

⁵³ Мельгунов С. Я.. Красный террор в России 1918—1923. М.: СП РИУСО, 1990.

немецкого историка О. Анвейлера⁵⁴, книгу об июльских днях А. Рабиновича.⁵⁵

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, проблема русского национального сознания и его роли в общественной и политической жизни общества на протяжении уже двухсот лет волнует как отечественных, так и зарубежных авторов. Аналитический и эмпирический материал, накопленный в этих исследованиях, позволяет, в настоящее время, перейти к исследованию русского национального сознания как важного фактора политической жизни общества, формализовав его как отдельный социологический феномен, со своей самостоятельной внутренней структурой, со специфическими механизмами влияния и взаимодействия с социумом. Серьезный фундамент созданный на протяжении XX века, дает возможность исследовать не только общеполитические проблемы, но и отдельные «узкие» темы и вопросы взаимодействия национального сознания с отдельными политическими институтами, изучать механизмы этого взаимодействия на конкретных исторических примерах. Позволяет объяснить условием этого влияния многие вопросы, как в области истории, так и в области политологии, которые не возможно объяснить в рамках других теоретических подходов.

---

⁵⁴ Anweiler O. Geschichte der Schuie und Pedagogik in Russland von ende Zarenrechts bis zum begin des Stalin-Ara. Berlin, 1964.

⁵⁵ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М.: Погресс, 1989.

Глава 1. Русское национальное сознание как исторически сложившаяся система и ее влияние на политическую сферу жизни Российского общества.

Проблема русского национального сознания в настоящее время является одной из актуальных обществоведческих тем. Существует достаточно много определений национального сознания как общественного феномена, которые соотносятся в соответствии с научными пристрастиями исследователя. В данном случае можно привести то определение, которое дает Д.В. Ольшанский, так как оно проецируется на политическую сферу жизни общества: «Теоретическое национальное сознание представляет собой кристаллизованное, научно оформленное и четко социально и политически ориентированное обобщение избранных элементов массового обыденного национального сознания, осуществляемого с определенных социально-политических позиций. Это идеология национально-этнической группы, обычно включающая в себя обобщенно положительную самооценку прошедшей истории, сегодняшнего положения и совокупность целей развития нации, программы их достижения на уровне всей общности и основных составляющих ее отрядов, а также уже кристаллизованные нормы, ценности и образцы поведения, обязательные для каждого индивида - лояльного представителя данной национально-этнической общности».⁵⁶

Но проблема заключается не только в том, чтобы определить национальное сознание как сложный общественный феномен. В настоящее время, нет всеми признанной структурной концепции

---

⁵⁶ Д. В. Ольшанский. Основы политической психологии. Екатеринбург.: Деловая книга, 2001. С.302

этнического сознания вообще и русского национального сознания в частности. Это приводит к тому, что любой ученый обществовед, вне зависимости от своей специализации, - философ, этнолог, психолог, социолог - вынужден до определенной степени самостоятельно определять набор структурных элементов, если рассматривает изучаемый им предмет с позиций национального сознания. По сути дела, берется произвольный набор психологических и социологических черт русского национального сознания, которые являются рефлексией на весьма различные и не вполне соотносимые друг с другом общественные явления. При этом, проблема усложняется еще и терминологической путаницей, когда разнородные по своему характеру явления, описываются как явления одного порядка. Это, естественно, приводит к весьма вольному и описательному характеру исследования русского национального сознания вообще и к полной невозможности рассматривать политические процессы в контексте национального сознания, в частности. Само исследование, как правило, зависит не от объективных критериев, а от политической позиции автора. Несмотря на то, что подобный субъективизм и в этнологии, и в исторической антропологии в настоящее время считается приемлемым, мы полагаем, что любой, в том числе и такой сложный объект исследования как национальная психология, может и должен быть описан на основе объективных критериев. На наш взгляд, наиболее приемлемым теоретическим подходом, позволяющим придать объективность данному вопросу является подход, который обозначился в рамках исторической этнологии, хотя и он не лишен определенных противоречий. Ввиду выше изложенных обстоятельств, в первой главе исследования необходимо определить основной круг понятий и терминов, которые будут нами использованы в дальнейшем.

В основу этой системы, которая на наш взгляд, способна объективно представить структуру русского национального сознания, должна быть

положена точка зрения, основанная на таком свойстве любой сложной системы как гетерогенность, или, в данном случае, неоднородном напластовании в процессе истории одних поведенческих реакций на другие, при их сохранении в коллективном сознании. При этом, существование тех или иных поведенческих реакций непосредственно связано с продолжительностью того общественного явления, отражением которого оно является. Иными словами, чем больше на психику воздействует отдельный раздражитель, тем более стойкая реакция на него формируется. Это справедливо, как для понятий о пространстве, времени, так и для таких сиюминутных, как отношение к конкретному политическому деятелю. В том случае, если они позволяют личности эффективно решать свои проблемы, то они продолжают функционировать, если же они не адекватны, то их действие затухает. Чем больший срок существует отдельная реакция в сознании, тем менее она подвержена изменению. Подобные психические механизмы, которые имеются у отдельной личности, проявляются и в сознании больших групп людей, в том числе и целых народов. Вся разница заключается только в том, что в личностной психологии формирование таких условных рефлексов происходит при непосредственном столкновении личности с объектом воздействия, в случае же с национальной психологией усвоение этих стойких психологических комплексов происходит в процессе «научения» личности, через трансляцию культурного опыта от старших поколений к младшим. При этом транслируемый опыт воспринимается как изначально существующая данность.

Возможным критерием, по которому можно классифицировать роль и значимость того или иного явления в национальном сознании, на наш взгляд, может служить продолжительность его функционирования. Именно по этому критерию мы будем определять место той или иной черты русского национального сознания в общей структуре. Иными словами, решающим будет являться возраст существования отдельного

элемента сознания, или если сказать точнее, - возраст того явления, рефлексией на которое является та или иная черта национального сознания.

Рассматривая структуру русского национального сознания, необходимо, прежде всего, постараться выделить основной, вневременной элемент. Таковым на наш взгляд является миропонимание⁵⁷ русского человека, по сути, это и будет основной отправной точкой в нашем дальнейшем исследовании.

Н. А. Бердяев, разрабатывая данную проблематику, основывал характеристику русской души на таком свойстве, как противоречивость - своеобразном сплаве взаимоисключающих элементов, которые при определенных условиях проявляет себя по-разному. Противоречивость как свойство, как контрапункт строя русской души. Обоснование этого взгляда виделось им в таком понятии как национальный темперамент, который формируется под воздействием хозяйственной жизни страны и ее географических условий.⁵⁸

Таким образом, возникает, на первый взгляд, некая первопричина, которая создает видимость объективного, материалистического понимания источника формирования национального сознания. Аргументация здесь следующая. В качестве определяющих факторов формирования русского национального сознания берутся климат и рельеф. Благодаря континентальному климату возникает контрастность сезонных работ, когда зимнее безделье, или точнее, низкая интенсивность работ, заменяется крайне напряженным и непродолжительным по времени периодом летних работ, что и приводит к формированию, столь характерного для русских, импульсивного темперамента, когда, например, долгие годы политической апатии, сменяются короткими периодами бурной политической активности.

---

⁵⁷ Рациональное понимание мира, действительности, система взглядов, идей.

⁵⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 24.

Нужно сказать, что эта точка зрения очень широко представлена в современной обществоведческой литературе.⁵⁹ Но попробуем рассмотреть ее внимательнее.

Если исходить из приводимой аргументации, то получается, что наивысшая «противоречивость» должна проявляться в психологическом укладе тех русских людей, которые проживают на севере страны, а наиболее размеренный и созерцательный характер должен быть у южан. Но обыденный житейский опыт показывает диаметрально противоположную картину. Русские люди, которые проживают на юге страны, обладают гораздо более энергичным темпераментом, чем северяне. Конечно, можно говорить об ассимиляции, которая всегда имеет место на приграничных территориях, и где, южное население России ассимилировалось с местными этносами, обладающих ярким, энергичным темпераментом. Но тогда как объяснить, скажем, такое явление, как полное различие стратегий выживания, которое мы можем наблюдать у двух народов, очень давно проживающих в абсолютно идентичных географических условиях. Наглядным примером этого может служить сравнение русского народа и финнов. Эти два народа испокон веков проживают вместе в одних и тех же географических и климатических условиях. Но, их жизненные стратегии диаметрально противоположны. В сущности, вся история России это непрерывный процесс колонизации и ассимиляции, тогда как расселение финнов ограничивалось только постоянным ареалом изначального заселения, и все силы финны полагали не на расширение жизненного пространства, на освоение уже существующей территории. При этом, этнос всегда стремился скорее к самоизоляции, чем к ассимиляции других народов и народностей. Столь же различны и стратегии выживания этих этносов. Как правило, русские полагаются при освоении новых земель на «мир», на общество, на совместное противостояние природе, тогда как финны

---

⁵⁹ Шаповалов В.Ф. Россиеведение. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 82.

селились отдельно, хуторами, и всю свою тысячелетнюю историю пытались отдельной семьей осваивать свой собственный участок. При всей внешней очевидности выгоды коллективных форм освоения новых территорий, финны на протяжении всей своей истории практически не изменили своей стратегии.⁶⁰ Таким образом, этот «географический» аргумент, на основании которого можно бы было обосновать импульсивность русского национального сознания, не выдерживает критики, если мы применяем его к финнам, которые никогда не демонстрировали подобной «противоречивости», проживая с русскими бок о бок в практически идентичных географических и климатических условиях.

Очевидно, что дело здесь не только в географии. Подобная абсолютизация географического фактора скорее уводит от понимания сути проблемы. Если бы географические условия действительно бы столь сильно влияли на формы общественной и хозяйственной жизни этноса, то английские колонисты в Австралии не строили бы английских домов, не разводили бы овец, и не формировали бы общественную жизнь на новых землях по английским лекалам, а организовали бы все соразмерно с местными климатическими условиями. Но жизнь показывает - англичане в Канаде остаются англичанами, хотя климатические условия идентичны российским, украинцы в Аргентине – украинцами, немцы в России – немцами. Потому говорить о том, что лишь географические условия формируют национальное сознание и определяют его компоненты, не представляется возможным.

Другой компонент этого «географического подхода» к формированию национального сознания – рельеф русской равнины. Бердяев пишет: «Необъятность русской земли, отсутствие границ и пределов выразились в строении русской души. Пейзаж русской души

---

⁶⁰ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 146.

соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широта.»⁶¹

При всей эстетической привлекательности и на первый взгляд кажущейся очевидности, и это утверждение весьма спорно. Если пейзаж русской души соответствовал пейзажу русской равнины, то почему он начал ей соответствовать только с XV века. До этого же времени мы наблюдаем мелочную территориальную борьбу Русских князей, которая представляет собой бесконечные грабежи пограничных княжеств. При этом в ходе этих конфликтов совершенно не наблюдается определение врага по этнической принадлежности. Во главе полагаются мелкие, корыстные интересы. Довольно странно, что всего за полтора столетия русское население вдруг прозрело и разглядев окружающий его пейзаж, обрело в своей душе «безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность». Очевидно, что за полтора столетия ни географически и этнически кардинальных изменений произойти не могло. Тогда почему же после периода почти в пол тысячелетия феодального партикуляризма, русский народ переходит от политической раздробленности, от узких, мелочных, местнических политических амбиций к мировосприятию практически планетарного масштаба? Очевидно, что пейзаж в данном случае ни причем.⁶²

---

⁶¹ Бердяев Н.А. "Истоки и смысл русского коммунизма." М.: Наука, 1990. С.8

⁶² Гораздо большее значение для формирования такой "безграничности и бесформенности" имело православие и то, что Россия с XV века, стала ощущать себя уникальной страной, имеющей свою особенную религиозную миссию. Именно эта проекция религиозного сознания в бытовое сознание и сформировало устойчивое убеждение о единстве безграничности российских просторов и просторов русской души. Подробнее этот вопрос будет рассмотрен далее.

Несмотря на обширную литературу, посвященную проблеме русского национального сознания, и в настоящее время вопрос определения ключевых факторов его формирования остается столь же острым, как и сто лет назад.

На наш взгляд, две причины являются ключевыми в данной проблеме. Первая - миропонимание, которое изначально присуще этносу или протоэтносу, от которого этнос определяет свое происхождение, и которое возникает в процессе его формирования.

Второе - это стратегия выживания этноса, которую он использует в процессе производства материальных благ. Как правило, у каждого этноса довольно строго соблюдается только один из видов стратегии. Либо это коллективный труд, либо труд отдельной семьи.

Если мы посмотрим на историю Киевской Руси, то со всей очевидностью увидим, что она была активнейшим участником политической жизни Европы. Русские князья заключали династические браки и политические союзы с европейскими государями, а русские купцы торговали своими товарами по всей Европе.

Но восточные славяне определяли себя не только как часть европейских народов, но и как самостоятельный народ. Так в былинах о Святогоре отразился такой важный момент истории русского этноса как переход от народа движущегося, к народу, обретшему свою землю, нашедшего свое место в пространстве и времени. Потому так поразительно емко и глубоко образ «сумочки переметной» в которой содержатся «тяга земная», иными словами связь с землей. И эта связь, ее величие специально подчеркивается в одной из былин, где Святогор пытается поднять эту «сумочку переметную», и не может, уходя в землю и погибая. Образ гибели прошлого создается древним былинным эпосом, в утверждении настоящего и будущего. Народное сознание как фильтр отбросило все, что было незначительным, случайным в духовной жизни народа, оставив в мифологических образах информацию о

подлинно глубинных, эпохальных событиях и миф о Святогоре отражает процесс вычленения из общности европейских народов, славян, которые вышли в иной мир, мир степи, оставив за своей спиной европейские леса и карпатские горы. Они обрели свое пространство, свою родину.

Наше обращение к элементам культуры, в частности к былинному эпосу, является оправданным, так как именно через культуру, и в особенности через эпос, который оперирует, прежде всего, моральными ценностями, идет процесс трансляции опыта жизни нации. Исторические события, естественным образом влияя на процесс формирования общественного сознания, закрепляются в нем через культурные символы и в последующем в процессе своего функционирования сводятся до уровня мифологических и моральных формул, которые воспринимаются человеком в раннем детстве. Естественно, что для создания таких стойких, ригидных образований необходимы очень большие временные отрезки, целые эпохи. Только тогда возникают такие явления, которые принято называть чертами национального сознания. Былины как раз и являются таким «ретрансляторами» культурной традиции, которые позволяли, да и в настоящее время позволяют идентифицировать себя нации не только в пространстве, но прежде всего и во времени. Естественно, что в процессе истории определенные элементы трансформируются, но само их существование говорит о том, что культурная традиция не нарушена, а значит по-прежнему, те архаические формы сознания присутствуют в нашей жизни, являются активным элементом сознания современного человека. В противном случае мы бы не относились к Илье Муромцу как к национальному герою, а это был бы для нас один из ярких персонажей средневековой истории и не более того.

Акцентирование на племенах, которые проживали в лесостепной зоне Причерноморья не случайно. Эти племена стали основой для создания государства Киевская Русь. Былинный эпос, созданный этой

группой племен воспринимается нами сейчас как наши глубинные корни, как наша древнейшая история, а Киевская Русь как наша древнейшая прародина. Конечно, Московская Русь уже формировалась как православное государство со своей, самостоятельной политической и религиозной историей и в иных географических условиях. Но оба этих государства связывает единая религиозная традиция православия. Иначе бы мы вряд ли воспринимали Киевскую Русь как свою прародину. С этнопсихологической и этнополитической точки зрения это исключительно важно.

Главным символом истории европейских народов, в том числе и славян, можно назвать пространство, которое понимается как безграничное поле деятельности, и которое человек может и должен освоить. Пространство как объект воздействия, объект преодоления, объект власти.

О. Шпенглер, анализируя душевный строй европейца как «фаустовского человека» утверждает что: «...просимвол фаустовской души, безграничное пространство, в качестве производных которого мы и должны принимать особые, сугубо западноевропейские в этой своей форме структуры мифа души: «волю», «силу», и «действие».⁶³

Русское миропонимание столь же активно и деятельно, как и миропонимание европейцев. Наше взаимоотношение с пространством так же нацелено на овладение им. Вектор духовной деятельности направлен в бесконечность, но не бесконечность, которую не возможно покорить и постигнуть, что скажем характерно для народов Индии, а бесконечность покоряемую и постигаемую. Вся европейская и русская история - это процесс непрерывного освоения пространства.

Именно в пункте динамического освоения пространства в проявлении категорий «воля» и «пространство» мы можем наблюдать

---

⁶³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. С.524.

сходство между миропониманием европейцев и русских. Не удивительно, что как только европейская философская мысль вырабатывает новую идеологическую систему, нацеленную на расширение пространства, она сразу же находит своих страстных сторонников в России. Ярчайший пример тому марксизм. Поглощение пространства во всей его полноте и в территориальном, и в идеологическом плане. Именно это генетическое сходство отмечает С. Франк: «Это как отношения между двумя родственными личностями, каждая из которых представляет собой совершенно своеобразный, духовный тип и которые часто совершенно не могут понять друг друга, и все же, однако, как та, так и другая чувствуют свое внутреннее родство».⁶⁴ Особенно он подчеркивает близость русского миропонимания немецкому духу. «Религиозная суть русского духа непосредственно ощущает, так сказать, свое частичное родство с философской сутью немецкого духа.»⁶⁵

Таким образом, очевидно, что подобное миропонимание является по сути своей генетическим элементом в структуре русского национального сознания, который формировался одновременно со славянским протоэтносом. Подобное миропонимание и в настоящее время лежит в основе современного русского национального сознания. В виду этих обстоятельств мы имеем полное право утверждать, что это один из основных элементов коллективного сознания, который находится в центральной зоне культуры⁶⁶ и который оказывает непосредственное

---

⁶⁴ Франк С.Л. Русское мировоззрение. Духовные основы общества. - М.: Республика, 1992. С.499

⁶⁵ Там же. С.500

⁶⁶ Центральная зона культуры – это ценности и верования данного общества, имеющиеся как бы в свернутом виде. Данный термин отчасти идентичен термину "традиция". Термин "центральная зона культуры" был введен Э. Шизлом и в дальнейшем более глубоко рассматривался С.Эйзенштадтом. Если не углубляться в различия точек зрения этих ученых по данному

влияние на весь ход истории существования этноса, а соответственно и на политическую жизнь нации.

В этнологии в настоящее время имеется понятие, которое, на наш взгляд, очень точно определяет сущность данного явления. Определение этого элемента в структуре национального сознания как этнической константы⁶⁷, позволяет подчеркнуть стержневой, структурообразующий характер, которое оказывает активное, экспансионистски-деятельностное миропонимание на историческую и политическую жизнь русского народа.

Мы не случайно остановились на вопросе сходства основ национальной психологии европейских и славянских народов. Это необходимо для понимания очень широкого круга политологических вопросов. Несмотря на географическое положение и исторические связи с народами Азии очевидна извечная устремленность на Запад, устремленность в сторону западной цивилизации и ее ценностей. Именно европейская политика всегда была самым важным направлением деятельности русского государства с момента его возникновения и

предмету, то можно выделить то, что под центральной зоной культуры подразумевается комплекс ригидных, либо слабо ригидных элементов сознания, которые, как правило, не осознаются в обществе, но являются основой культурной и политической сфер жизни общества.

⁶⁷ Этнической константа – неизменяемые комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива к окружающей природно-социальной среде и выполняющих в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. Этнические константы представляют собой систему, в рамках которой строго определено их соотношение между собой. Этнические константы существуют на протяжении всего периода существования этноса, и их изменение приводит либо к исчезновению этноса, либо к его полной трансформации, то есть превращению в другой этнос.

является таковой по настоящее время. Эта устремленность во все времена определялась как сама собой разумеющаяся. Россия всегда рассматривала себя как часть западной цивилизации и обусловлено это не географически, мы соседи с Китаем, но в России никогда не было восприятия китайской культуры как родственной, и это несмотря на внешнюю схожесть политических традиций. В этом же кроется и та восприимчивость к западным идеям, которая столь характерна для русской общественной жизни.

Второй этнической константой, которая лежит в основе русского национального сознания является экономическая стратегия выживания. У каждого народа своя стратегия, которая вырабатывается в момент формирования этнической системы и которая не находится в прямой зависимости от других факторов, таких, например как религия, политика, семья. В данном случае при всей своей древности, очевидно, что стратегия выживания более позднее образование, чем миропонимание. Поэтому в данном случае мы наблюдаем уже некоторое расхождение с европейскими народами. Для русских характерна стратегия выживания, которая основана на коллективной мобилизации усилий всех членов общества. Русский этнос, как до принятия христианства, так и после использовал именно подобную стратегию борьбы с окружающей природой и исходя уже из этого формировал и организовывал функционирование различных общественных институтов.

Для определения этой этнической константы видится возможным использовать такой термин как коллективизм. Хотя более точно было бы определить его как коммунальность. Коллективизм, как этническая константа, самым непосредственным образом влияет на ход политического процесса в ходе всей русской истории.

Стратегия выживания этнической системы стабильна, вне зависимости от того какие факторы на неё воздействуют. Иными словами, как только русский этнос сталкивается с какой-либо проблемой,

то первая реакция заключается в необходимости «сплотиться». Не удивительно, что подобные призывы мы постоянно слышали в 90-тые годы XX столетия от наших политиков. Как только русская нация сталкивается с общенациональной проблемой, будь то экономический кризис или же угроза терроризма, первое, о чем начинают говорить политики всех направлений, это о необходимости сплотиться и всем вместе справиться с проблемой. Подобная реакция совершенно естественна и этнопсихологически оправдана.

К сожалению, в связи с тем, что идеология коммунизма было основана на аналогичных идеях коллективизма, этот термин получил устойчивую идеологическую окраску. Но его использование видится необходимым, прежде всего потому, что он позволяет отделить другой термин, который является производным от коллективизма – соборность. По сути дела соборность, это более сложная форма коллективизма, которая несет в себе уже элементы религиозного и политического сознания. Использование терминов общность, общинность, не вполне удобны, потому что они имеют утвердившийся экономический и социологический контекст.

Таким образом, коллективизм, это этническая константа, которая характерна для русского этноса вообще, и которая проявляется в самых различных аспектах общественной жизни. По сути дела, наиболее древние литературные памятники, посвященные политическим темам, «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», посвящены оценке событий именно с позиции этой константы. В «Слове о полку Игореве» говорится о том, как плохо, что каждый русский князь бьется в отдельности, в «Задонщине», о том, как хорошо когда бьются все вместе. «... Для русских непредставима цельная жизнь иначе, как коллективная – общий порядок и совместное пользование всеми благами жизни для всех граждан...»⁶⁸ Русское сознание не может нормально функционировать,

---

⁶⁸ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С.488.

пока ему не предложена программа, содержащая фактор единения нации, когда в политической жизни не озвучены темы коллективного реагирования на политические факторы жизни этноса. И это не национальная черта, это фундамент национального сознания.

Из всех элементов русского национального сознания, которые в настоящее время выделены отечественным обществоведением два из них, коллективизм и экспансионистки-деятельностное миропонимание пространства и времени, являются наиболее продолжительное время существующими и потому, в силу этих обстоятельств, могут быть определены как основные, неизменные элементы русского национального сознания, определены как этнические константы.

Мы вычленили два наиболее древних элемента в структуре национального сознания. Но перед нами встает вопрос можно ли отнести такое явление как религиозное мировоззрение также к этническим константам? На наш взгляд, это явления разных уровней. Стратегия выживания в виде коллективных действий сложилась у славян задолго до того, как Русь приняла христианство, и потому ни коем образом не зависела от того, какую из мировых религиозных доктрин выбрал бы русский этнос в дальнейшем. Скорее форма религии, воспринятая Русью, наиболее соответствовала коллективистскому духу славян Киевской, а в последующем - Московской Руси.

Если этнические константы являются фундаментом национального сознания то для описания следующего уровня явлений возможно использования такого термина как «этнический архетип»⁶⁹. Как правило,

---

⁶⁹ В настоящее время термин этнический архетип не имеет конкретного содержательного наполнения. Под "этническим архетипом" понимаются самые разнообразные явления, от общественно-политических, до бытовых. Так в «Этнологическом словаре» Г.Т. Товадова, термин архетип вообще отсутствует. Таким образом, использование этого термина возможно и оправдано в плане понимания архетипа как бессознательной формы

с этим термином связывают круг явлений, который определяется религиозной сферой сознания. Но точно так же архетип может быть отнесен и к сфере политической. В виду того, что наше исследование, прежде всего, носит политологический характер, то мы и будем рассматривать, соответственно, прежде всего, этнические архетипы в их политологической проекции.

Но прежде чем перейти к более подробному рассмотрению различных архетипов русского национального сознания, необходимо выделить отдельный и исключительно важный компонент, который имеется в структуре сознания любого народа, и который, непосредственно связан с религиозным сознанием, и по сути, является осью вокруг которой разворачивается историческая драма любого народа, в том числе и русского. С этой целью будет использовано такое понятие как «тема культуры». ⁷⁰ Необходимо сразу же уточнить, что

коллективной психологии, которое было изначально свойственно К. Юнгу, а именно: а) архетипические структуры и модели - это кристаллизация опыта общества с течением времени; в) образы, происходящие из архетипических структур, вовлекают нас в поиск аналогий в окружающем мире. Но в то же время в отличие от Юнга, который считал, что архетипы являются генетическими, вне культурными психическими образованиями, мы считаем более обоснованной точку зрения одного из его ярких последователей Д. Хобсона, который считал, что архетип является понятием феноменологическим и напрямую связан с опытом. Именно в этом значении мы и будем в дальнейшем его использовать. (Hobson, J. A., "The reciprocal interaction model of sleep cycle control: A discussion in the light of Giuseppe Moruzzi's concepts," from Pompeino, O. and Marsan, C. Ajmone, eds., *Brain Mechanisms and Perceptual Awareness*. N. Y. : Raven Press, 1981)

⁷⁰ Тема культуры – это результат устойчивого трансферта, который включается в картину мира этноса, а следовательно и в его различные ценностные системы. Она является общей парадигмой для всего этноса,

«тема культуры» может лежать только в этической плоскости, даже если она проецируется на политические явления. К примеру, у армянского народа тема культуры это «Великая Армения», но и в данном случае это, прежде всего, проблема соответствия личности этическим интересам этноса.

Как и у всех европейских народов, миропонимание русских людей настроено на активное постижение всех явлений бытия, на овладение природой. Но если в духовной жизни европейца эта устремленность ничем не осложнена, и главная этическая проблема в контексте этой устремленности - это прежде всего проблема поступка (то есть власти над собой, над обстоятельствами), по Шекспиру – «Быть или не быть» или иначе, «совершать поступок или не совершать», то с русским характером дело обстоит значительно сложнее.

Если попытаться представить сознание европейца как импульс силы, как вектор, направленный к богу, мы увидим, что, разрешая для себя проблему поступка, он оказывается в структуре, достаточно простой динамики жизненного успеха и постулаты протестантской этики идеально отражают и разрешают проблему личного эгоизма. Ты добиваешься успеха, значит, ты любим богом. Если ты успеха не добился, значит, бог отвернулся от тебя. Возникает ситуация торга, когда выполнение культовых предписаний, то есть внешняя принадлежность к церкви, позволяет получить «милость божью» и соответственно устроить свою жизнь. Личность отражается как в боге, так и в окружающем обществе, с позиций подобной духовной динамики, и тем самым обретает свою полноценность. Утверждение своего эго таким образом становится

которая позволяет различным группам внутри этноса идентифицировать себя, а также идентифицировать весь этнос по отношению к внешнему окружению. Культурная тема является той драмой, разрешение которой, является историческая эволюция этноса. - Лурье С.В. Историческая этнология – М.: Аспект-Пресс, 1997. С.258.

альфой и омегой этики европейского человека. «Я» возносится вверх в готической архитектуре; башенные шпицы и контрфоры суть «Я», и оттого вся фаустовская этика есть некое «вверх»: совершенствование Я, нравственная работа над Я, оправдание Я верой и добрыми деяниями, уважение Ты в ближнем ради собственного Я и его блаженства, от Фомы Аквинского до Канта, и наконец, высочайшее: бессмертие Я.» - таким образом Шпенглер характеризует душу европейца и далее он продолжает противопоставляя ее, душе русской. «Именно это кажется настоящему русскому чем-то суетным и достойным презрения».⁷¹

Для русского человека европейская направленность осложнена проблемой оправдания поступка, и оправдания прежде всего через «мир», через общество. Наличие этого препятствия вызывает ощущение духовной рыхлости, безвольности русского человека. Но «безвольность» - это механизм, сдерживающий пружину мощной духовной энергии, которая свойственна всем европейским народам.

Но подобное препятствие на пути волевого устремления непременно должно создавать условия для рассеивания этой энергии по горизонтали. Вступая во взаимодействие с этнической константой коллективизма, личность получает дополнительные моральные преференции. Именно этот процесс приводит к той растворенности в коллективе, соборности, выдвигению на передний план, прежде всего, понятие «Мы» и подавлению понятие «Я», которое отмечается практически всеми авторами.

Конечно, очень легко поддаться искушению и выводить постоянное воспроизводство этого явления как рефлексию на крестьянскую общину. Но крестьянская община, в том виде в котором она сформировалась в XVIII веке, это во многом фискальный институт, который позволял

---

⁷¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. С.489.

улучшать сбор налогов, тогда как коллективизм, как экономическая стратегия выживания этноса, как уже говорилось выше, является этнической константой, и существовал в русском народе с момента его формирования. При этом православие как основа духовной жизни народа, всячески способствовало его существованию и развитию, наполняя его религиозным содержанием. В данном случае нам близка точка зрения, высказанная С. Франком: «Что же касается истинной, внутренней сути самобытного русского духовного коллективизма, то, во-первых, он не имеет ничего общего с экономическим и социально-политическим коммунизмом, а во-вторых, несмотря на то, что этот коллективизм противостоит индивидуальному, он отнюдь не враждебен понятиям личной свободы и индивидуальности, а, наоборот, мыслится как его крепкая основа».⁷²

Русский человек устремлен к действию. Как мы уже рассмотрели выше, - это этническая константа, но на реализацию этой константы определяющее воздействие оказывает этический комплекс православия. По сути дела, мы имеем трансферт⁷³, который как некий шаблон выстраивает и организует процесс идентификации различных явлений духовной, экономической и политической жизни человека, позволяя транслировать и проверять соответствие этих явлений этническим константам. Такое взаимодействие этнических констант с этической системой православия, создает устойчивый комплекс этнических архетипов, который в свою очередь так же транслируется на все аспекты общественной жизни и прежде всего в политическую сферу. Данный

---

⁷² Франк С.Л. Русское мировоззрение. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 486.

⁷³ Трансферт – (франц. transfert, от лат. transfero - переношу, перемещаю), перенос из бессознательного в сферу сознания имеющихся этнических констант и архетипов.

механизм, по видимому, универсален для любого этноса, так как благодаря ему, даже при общих внешних факторах генезиса, возникает ситуация при которой каждый этнос является уникальным.

Православие как идеологическая система, вступая во взаимодействие с этническими константами, в случае с коллективизмом закрепляет и модифицирует её, формируя на ее основе такие этнические архетипы которые связаны с политической сферой жизни общества как: соборность, тоталитаризм, авторитаризм, вождизм и пр. При этом этническая константа коллективизма является как фактором сдерживания, так и фактором резкой активизации поведения русского человека. Православие так же выступает в качестве сдерживающего фактора проявления и другой этнической константы, «экспансионистки-деятельностного миропонимания», ограничивая импульс воли через «моральное оправдание поступка». Система архетипов, сформированная на основе этической системы православия, выступает в качестве фильтра, или шаблона, через который оценивается любой поступок русского человека. Прежде чем начинать действовать, особенно в политической сфере общества, прежде чем предъявить свою претензию на власть, русским человеком должна быть разрешена проблема соответствия этого поступка «правде». Понятие «правды» это, по сути, вербальное определение наличия «темы культуры» у русского народа, что само по себе неудивительно, так как само явление достаточно сложно и при этом корни его находится в основе культуры. Вполне естественно, что этносом должен был быть сформулирован некий термин, который бы позволял определять весь круг этических проблем человека во всей его совокупности. А так как носителем «правды» является «мир», то соответствие интересам «мира» и является наиболее морально привлекательным, потому что именно через «мир» бог являет свою «правду». Неудивительно, что эпохальный роман Льва Толстого назван «Война и мир». Он весь пронизан ответственностью отдельного человека

перед обществом - именно через социум, через реализацию задач социума, «мира» герой оценивают свои поступки.

Всякое действие должно быть морально оправдано. Ф.М. Достоевский выразил это через знаменитую фразу: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Не удивительно, что именно Ф.М. Достоевский и его великий роман «Преступление и наказание» являются для западного человека основой для идентификации русской культуры, да и нации в целом. По сути, это высказывание и является темой культуры русского народа. Можно так же воспользоваться формулой Владимира Соловьева, которую он применил по отношению к этносу в целом: «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности».

Если отойти от литературных и философских метафор, то культурную тему русского народа можно сформулировать как «моральное оправдание поступка». Именно через это оправдание, через эту непрерывную рефлексию, осознанную или неосознанную, происходит непрерывный процесс взаимодействия этнических архетипов с внешним миром и, в особенности, с политической жизнью общества. Идет процесс непрерывной рефлексии всех явлений общественной жизни к религиозным и этическим ценностям непосредственно возникающих от потребностей социума. При этом эти этические ценности не являются вербализованными, а определяются на уровне интуитивного восприятия и формализуются в понятии «правда». Понятие «правды» выступает как бы «каналом», «ключом» при помощи которого этнические архетипы проявляют себя в процессе взаимодействия сознания с окружающей действительностью. Подобный механизм приводит, с одной стороны к сдерживанию активности личности, как в социальной, так и в политической сфере, а, с другой стороны, к чрезмерной активности и иррациональности ее действий, в случае если религиозное оправдание этой деятельности найдено.

Православие как религия мистическая, апеллирующая, прежде всего, к духовному миру человека, выдвигающая на первый план важность личного спасения человека, а потому несущая в себе очень высокий уровень моральной оценки всех сторон человеческого бытия, ставит перед человеком и обществом проблему соответствия бытия человека религиозным моральным устоям. Любое проявления социальной жизни рассматривается через призму моральных оценок. Именно понимание этого взаимодействия религиозного сознания и сознания бытового дает возможность понять все те особенности в поведении нации, которые проявляются в политической сфере.

Показательно, что религиозные и социальные вопросы были практически неразрывны в проблематике, которую разрабатывали крупнейшие философы русского возрождения в начале XX века. Слияние божественного и социального, коллектива и бога, реализация божественной «правды» через коллектив, через «мир», через общество, обожествление понятия «народ», как носителя «божественной правды», как ее проявление в повседневности – является важнейшей отличительной особенностью русской философской и политологической мысли, основой политической традиции и политической культуры русского этноса.

При всей кажущейся удаленности богословских проблем от проблем национального сознания и уж тем более проблем политических, имеет смысл обратиться к спору, который возник между православными и католическими священниками в XIII веке о нисхождении Святого Духа и который, по сути, и стал основой для расхождения между двумя основными ветвями христианства. При всей богословской казуистике вопрос о «Фолиокве», во многом повлиял на политическое мировоззрение Византии, а соответственно и России. Как пишет В.Н. Лосский, анализируя взгляды выдающегося историка богословия В.В. Болотова, по вопросу нисхождения Духа Святого : « ... столкнулись

между собой формулы исхождения а Parte Filioque (от Отца и Сына) и .... (от одного Отца) ; в них то и обнаружилась вся разница учения о Троице...».⁷⁴ Сам спор возник в IX веке. И представлял собой дискуссию о понимании триединства. Но сама проблема заключает в себе противоречие, которое в результате тем или иным образом разрешается путем создания определенной иерархии. В случае с католической церковью в центре «Святой дух», который проявляет себя миру через Отца и Сына. Тем самым Сын и Отец равны, по отношению друг к другу. В политическом плане это привело к формированию двух политических сил, светской и духовной власти, которые непрерывно боролись за власть на протяжении всей истории Европы. Этот же принцип в последующем лег и в основу равенства различных ветвей власти гражданского общества. В православии ситуация кардинально иная. Во главе находится Отец и посредством Духа Святаго он проявляет себя в Сыне. При такой иерархии, очевидно, что духовная власть не может быть равной власти политической. Что и наблюдается как в истории Византии, так и в истории России. Именно благодаря такому взгляду на Пресвятую троицу, царь в России не просто светский правитель, а по сути еще и первосвященник, «помазанник божий», посредством которого господь проявляет свою волю этому «тварному миру».

Благодаря этому, существует то принципиальное различие между западноевропейцами и русскими, которое заключается в том, что латинянин строит свои отношения с богом на рациональной основе, тогда как русские, шли по пути мистического озарения и благодати. В этом мы можем сразу же определить истоки того «магического» по выражению О. Шпенглера, мировоззрения, которое свойственно русскому человеку.

«Русскому духу чужды и неизвестны дифференцированность и обособленность отдельных сфер и ценностей западной жизни...» - отмечает С.Франк и далее продолжает, - «... все обретает свою ценность

---

⁷⁴ Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2003. С. 609.

лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления абсолютного, абсолютной истины и абсолютного спасения».⁷⁵

И потому, когда вместо обретения рая на небе, в сознании укрепилась идея возможности создания рая на земле в виде построения коммунизма, русский человек ведет себя столь же непримиримо по отношению к церкви, как верующий радикальный экстремист по отношению к иноверцам. Две религии в русской душе жить не могут, либо - либо. Принцип морального оправдания поступка не позволяет сделать иначе. Возникает двуличие, аморализм, разрушение внутренней целостности и одна вера начинает уничтожать сторонников другой веры. Но это верно только по отношению к своим, к тем, кто рассматривается как часть русской нации, кто нарушает цельность общности и потому насилие по отношению к ним оправдано. Они живут «не по правде» и это исправляется всеми возможными способами. Потому столь похожи расправы атеистов 30-х годов нашего столетия над своими политическими оппонентами в Советской России на деятельность Святой Инквизиции в Средние века.

Таким образом, русское сознание изначально трансцендентно, оно сосредоточено на решении, прежде всего, своих внутренних духовных проблем, главного вопроса - отношения «бога – правды» к личности и народу. Это отношение не рационально поступательно, когда выполнение норм и предписаний позволяет, поглощая время в процессе жизни, подчинять его своей власти и тем самым приобщаться к богу, а глубоко мистично. Русский человек может только ждать, когда «благодать господня» снизойдет на него и эта статика духовного состояния по отношению к абсолюту заставляет искать пути мистического озарения, делая религиозную жизнь человека не

---

⁷⁵ Франк С.Л. Русское мировоззрение. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С.482.

публичной, как это принято на Западе, а глубоко личностной, сохраняя тот главный, изначальный смысл, который содержало в себе христианство на заре своего становления.

О. Шпенглер, показывая эту часть духовной жизни русского человека, с сарказмом отмечает: «Герой Толстого Нехлюдов ухаживает за своим нравственным Я как за своими ногтями».⁷⁶ Но именно это ухаживание и создает ту глубину и неисчерпаемость русского духа, которую принято называть «загадкой русской души». Именно в данной точке происходит прорыв в бесконечное, то, что невозможно ни постичь, ни понять, а, соответственно, чем невозможно овладеть и властвовать. Оригинальная русская идея анархизма насквозь пронизана стихийностью и интуитивной чувственностью русского мышления. Подобное стихийное отношение проецировалось и на политическую власть. По мнению М. А. Бакунина, человек должен подчиняться только естественным законам: «Свобода человека состоит единственно в том, что он повинует естественным законам, потому, что он сам признает их таковыми.»⁷⁷

Особое значение М. А. Бакунин придавал психологии нации, видя в этом, прежде всего, возможность и характер ее развития. Все это он связывал с психологической конституцией нации, расовыми особенностями, психологическим темпераментом. М. А. Бакунин пишет: «Маркс пренебрегает одним крайне важным элементом в историческом развитии человечества - именно темпераментом и особенностями в характере всякой расы и всякой народности, темпераментом и характером, который конечно, сам по себе является продуктом множества этнографических, экономических, так же как и исторических причин, которые, будучи однажды даны, оказывают часто, помимо и вне

---

⁷⁶ Шпенглер О. Закат Европы. Морфология мировой истории. М.: Мысль, 1993. С.261.

⁷⁷ Бакунин. М.А. Изб. соч. М.: 1919.Т.2 С. 166.

зависимости от экономических условий, существенное влияние на судьбы страны и даже на развитие экономических сил.»⁷⁸

Аналогичные анархизму подходы можно увидеть и в трудах современников М. А. Бакунина, в особенности славянофилов. Так, в рецензии на 7 том «Истории России.» С.М. Соловьева К.С. Аксаков писал следующее: «Как бы широко и, по-видимому, либерально не развивалось государство, хотя бы достигло самых крайних демократических форм, все-таки оно, государство, есть начало неволи, внешнего принуждения.»⁷⁹

И даже заимствуя социальные идеи Запада, русский народ использует их опять же, как повод для разрешения вопроса своей главной темы культуры, вопроса достижения «правды», морального оправдания деятельности человека по отношению к обществу и «всемирной правде» - победе коммунизма.

Ярким примером религиозного влияния на систему архетипов может служить такой архетип как терпимость русского народа, который как бы вдруг сменяется взрывом энергии. Если проводить в данном случае параллель с психологией личности, то наличие невротического состояния определяется наличием комплекса неполноценности на какой-либо почве, и при неблагоприятных условиях у человека возможен срыв и неадекватное, агрессивное поведение. Нечто подобное наблюдается и в психологии отдельных народов, в том числе и у русских. До тех пор, пока моральное право на действие не найдено, происходит накопление этой энергии, но потом, когда это оправдание получено, стопор снимается и происходит социальный взрыв.

---

⁷⁸ Материалы для биографии М. Бакунина. / Ред. и примеч. В.П. Полонского. 2. М.; Л.: Правда, 1933. С. 393

⁷⁹ Аксаков К. С. Соч. т.1 М.: Мысль, 1989. С. 242-243

В данном случае будет уместно привести достаточно пространное высказывание, которое очень точно характеризует изначальную заданность возникновения внутриэтнических конфликтов у русского народа.

«Конфликтность русского этноса по преимуществу внутренняя. Русские интериоризируют внешнюю конфликтность и стремятся нейтрализовать ее уже внутри себя. - Что вполне естественно если учесть, что главная тема культуры это саморефлексия, то есть моральное оправдание поступка – Для русских характерна устойчивость внутренних альтернатив, которая служит механизмом для рефлексии интериоризированных конфликтов. Эти конфликты как бы проигрываются внутри себя. Устойчивость внутренних альтернатив задает этому процессу определенный алгоритм, направляет его в определенное русло и делает возможным функциональное отреагирование конфликтности. Таким образом, внутренний конфликт с заданным алгоритмом протекания заложен в саму структуру «центральной зоны культуры» русских, задан этническими константами и является структурообразующим для каждого случая их этнической самоорганизации».⁸⁰

Как уже отмечалось ранее, главным вопросом духовной жизни русского человека является моральное оправдание проступка. Проявляется это и как в жизни каждого русского человека, так и в жизни всего народа в целом. Именно эта тема культуры и является основой русского этнического поля⁸¹. И потому до тех пор, пока русский человек

---

⁸⁰ Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1997. С.353

⁸¹ Под понятием «этнического поля» в данном случае мы подразумеваем сферу влияния, которое оказывает этнос в плане этнического сознания на сознание русского человека, как в плане компактного проживания русского этноса, так и в нутрии других этносов. Русская ностальгия, которая так ярко описана во многих произведениях литературы, по сути, и является

находится под воздействием этого поля, он очень ограничен в своих действиях. Для того, что бы сделать карьеру, то есть выделиться из общей массы, он должен иметь на это моральное право, причем не внутреннего порядка, а внешнего. Именно этот механизм лежит в основе такого понятия, как кенотизм (жалостливость). Именно эта особенность «русскости» ярко проявляется в нашей современной политической жизни. «Ни какой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости», - писал В. Розанов в книге «Уединенное».⁸² И до тех пор, пока человек не приобрел эту харизму по отношению к себе, его претензии на жизненный успех в глазах общества это зло. Потому столь агрессивна и безжалостна Россия по отношению к своим талантам, столь безразлична и пренебрежительна, и в то же время столь раболепна, если гений соотечественника получил признание на Западе. «Нет пророка в своем отечестве,» и нужно настрадаться и измучиться прежде чем иметь право на успех. В этом же феномене кроется причина того, что богатство рассматривается в моральном плане как зло. Образы русских купцов, которые уходили в монастыри в конце своей жизни, раздав свое имущество, как раз и наполнены данным духовным содержанием.

После того, как мы определили тему культуры русского этноса, один из важнейших элементов русского национального сознания, можно перейти к вопросу связанному с функционированием архетипов в структуре русского национального сознания. Но прежде чем это сделать,

---

проявлением действия этнического поля. Структура функционирования этнического поля для каждого этноса специфична. В отличии от евреев, армян и даже украинцев, русское этническое поле при взаимодействии с диаспорой практически не формирует такое явление как землячество. Русские никогда не селятся анклавом, но при этом постоянно ощущают непрерывный комплекс вины перед родиной, и непрерывное стремление вернуться.

⁸² Розанов В. В. Уединенное. М.: Советская Россия, 1988. С.67

нам необходимо вновь уточнить термины, которыми мы будем пользоваться для этого. В настоящее время для описания стойких поведенческих реакций этноса применяются два основных термина. Первое – это стереотип. Второе – архетип. И тот, и другой термин имеет достаточно устоявшуюся объяснительную сущность, но это в том плане, который касается социальной психологии или психоанализа. Но оба этих термина достаточно часто употребляются, также и при описании особенностей национального сознания и зачастую, оба термина оказываются, практически, синонимичны. На наш взгляд, подобное не допустимо, поскольку не позволяет правильно описать процессы, протекающие в сознании нации. Видится необходимым определить оба этих термина в плане приложения их к этнополитическим проблемам.

Как уже отмечалось выше, понятие архетипа⁸³, как важнейшего элемента коллективного бессознательного было введено К. Юнгом, который определял его как структуры и модели, представляющие собой кристаллизацию опыта в течение времени. Они сосредоточивают опыт в

---

⁸³ В данном случае необходимо так же сделать обстоятельное пояснение, ввиду того, что мы используем терминологию заимствованную из психоанализа, но именно в области исследования архетипов психоанализ непосредственно обращался к вопросу коллективного бессознательного и не учитывать этот опыт при рассмотрении структуры русского национального сознания просто невозможно. Сложность в данном случае заключается в том, что для Юнга и других исследователей в области психоанализа проблема архетипа – это проблема неких заранее заданных инстинктов, которые имеются у личности изначально, но в отличие от психологов, которые изучают личность, изучение народа возможно проследить в конкретно временных рамках и если ограничиваться только рамками тех рефлексий, которое формирует сознание на политические институты и процессы, то можно, не углубляясь в дебри споров между психоаналитиками, определить ряд черт, которые свойственны той или иной нации, в частности русской.

соответствии с врожденными схемами и санкционируют последующий опыт, образы же, которые происходят из архетипических структур, служат импульсом сознательного действия личности. Таким образом, если мы будем четко придерживаться того изначального параметра, который мы для себя определили, а именно времени существования социального и политического явления, рефлексией на который служит та или иная черта национального сознания, то к архетипам мы можем отнести те рефлексии, которые относятся к сфере религии и государства. Это позволяет нам отделить этнические константы, которые существуют в сознании нации из доисторических времен, от тех элементов, которые связаны с явлениями историческими. Соответственно, если выстраивать некую иерархию, то во главе пирамиды будут этнические константы, чуть ниже - этнические архетипы. В своей совокупности они представляют центральную зону культуры русской нации и формируют в процессе своего взаимодействия с темой культуры русского народа своеобразие этнопсихологической жизни. Этнические архетипы выполняют важнейшую роль трансляции опыта нации. Механизмом данного переноса служит тема культуры. Реализация этого процесса трансляции происходит при помощи целого комплекса самостоятельных образований, которые находятся как бы в пограничной зоне. Эти комплексы в дальнейшем мы будем определять как социальные стереотипы. При этом наиболее важные и значимые из них так же требуют своего определения в виду своей значимости. Такие комплексы можно определить как этнические мифы.

Теперь посмотрим, как уже имеющиеся достижения и представления по вопросу национального сознания соотносятся с той терминологией, которую мы предложили выше.

Как уже говорилось, важнейшими этническими архетипами выступают те, которые являются рефлексией национального сознания на такие социальные институты как религия и государство. После того как

мы рассмотрели ряд вопросов связанных с ролью православия и его влиянием на функционирование и генезис национального сознания, постараемся выделить ряд архетипов, которые сформировались в процессе истории под влиянием этого фактора.

На основе изложенного, можно сделать вывод, что различные авторы выделяют достаточно большой ряд - более пятнадцати основных архетипов - которые влияют на политическую сферу жизни общества. Перечислим их: традиционализм, иррационализм, догматизм, максимализм, мессианство, кенотизм, авторитаризм, соборность, вождизм, подвижничество, коллективизм, нигилизм, направленный на государственный аппарат, личностное отношение к власти, терпимость, которую можно подразделить на терпимость политическую и бытовую, а так же на толерантность.

Из перечисленного списка мы уже можем выделить те основные качества, которые относятся к этническим константам – это коллективизм и подвижничество, а так же качества, которые можно отнести к этническим архетипам – это традиционализм, догматизм, максимализм, соборность, вождизм, кенотизм, мессианство. Нетрудно заметить, что этот перечень можно разделить, также на две группы. Первая - это те архетипы, которые относятся к государству (вождизм, авторитаризм, соборность, политическая терпимость, нигилизм).

Вторая группа – это архетипы, связанные с религией (традиционализм, догматизм, иррационализм, кенотизм, толерантность). При этом каждый из архетипов имеет свою вербализированную формулу на уровне этнического мифа. К примеру, соборность выражается в понимании решения государственных проблем «всем миром», тоталитаризм выражен в идее «сильного государства», нигилизм по отношению к чиновникам – «две русские проблемы – плохие дороги и дураки у власти», терпимость – образом русского медведя, которого необходимо разозлить, мессианство – великой духовной ролью России в

мире, иррационализм – загадкой русской души и так далее. Подобная вербализация архетипов, позволяет упростить их до уровня простых формул, которые воспринимаются как аксиомы, и являются, по сути своей, своеобразной мифологией, позволяющей идентифицировать свою этническую самобытность на бытовом уровне.

Наиболее ярким из приведенного перечня архетипом, является кенотизм (жалостливость). Этот архетип очень активно применяется политтехнологами в ходе избирательных компаний. Осознание его как самостоятельного, уникального явления произошло совсем недавно, в связи с грубым использованием его в избирательных компаниях.

Теперь возьмем два других архетипа – традиционализм и догматизм. Происхождение этих архетипов вполне очевидно. Традиционализм, стремление опереться на уже имеющиеся и проверенные веками формы поведения и мышления - вполне естественная реакция сознания на любое изменение существующей системы общества и потому на первый взгляд, нет необходимости относить это понятие к архетипам, как к некому самостоятельному явлению. Но в русском варианте эта защитная реакция усиливается темой культуры, которая требует от всякого нововведения морального соответствия имеющейся этической традиции, а так как зачастую нововведения являются заимствованиями, то требуются значительные усилия для каких-либо реформ и соответственно это уже не просто реакция защиты, а отдельный поведенческий механизм, отдельный устойчивый архетип. Если исходить из фактора «оправдания поступка», то оправдать поступок (в политическом плане таким поступком часто являются реформы) можно либо опираясь на устоявшиеся моральные ценности, либо же на искупительную жертву. Необходим определенный духовный опыт, к которому можно было бы апеллировать, чтобы начинать действовать. Но обращение к этому опыту, зачастую, приводит к погашению волевого импульса, нацеленного на реформаторскую

деятельность. Потому столь инертна русская жизнь, столь много духовных сил требуется от реформатора. Как правило, наиболее крупные трансформации происходили тогда, когда во главе реформ оказывался человек, который воспринимал свою деятельность как религиозное служение государству, народу. По сути дела, русский политический реформатор, это религиозный деятель, который переносит свой религиозный порыв в социальную сферу.

Другой комплекс особенностей русского сознания - это максимализм и мессианство. Всякое реформаторство, а политическое тем более, требует от человека цельности и сосредоточенности. И чем выше уровень сопротивления среды, тем большей духовной энергии требуется от личности в ее преодолении. В связи с этим как реформаторство, так и контрреформаторство протекают зачастую в крайних экстремистских формах. Максимализм в достижении цели становится необходимым условием деятельности, так как только в этом случае можно найти оправдание своей активности. Только высшая цель может оправдать посягательство на традиционные устои жизни, требуя от человека максимального духовного напряжения, романтизируя героическое действие. Хождение интеллигенции в народ в середине XIX века ярчайший пример, подтверждающий эту специфику русского национального сознания.

Теперь рассмотрим комплекс архетипов, который относится к государству. Как говорилось выше, важнейшим элементом национального сознания, является жизненная стратегия, которую выбирает этнос для своей хозяйственной деятельности. Возникновение государства не отменяет, а закрепляет и развивает те механизмы, которые были заложены в структуре этноса изначально. Русская государственность формировалась на тех же основах, на каких формировалось и национальное сознание. Если тот или иной общественный институт не соответствует особенностям национального сознания, он, как правило, довольно быстро прекращает свое

функционирование. Если рассматривать развитие русской государственности, то можно отчетливо видеть, что политическая традиция и политическая культура России основываются на тех же принципах, что и национальное сознание. Русское государство постоянно стремилось к расширению. Но это расширение, как правило, было морально оправдано. Если перефразировать Л. Н. Гумилева, то, непрерывно обороняясь, Россия дошла до берегов Тихого океана. Примечательно, что в плане политической устремленности к освоению новых территорий, русские ведут себя аналогично политике европейцев, но сам процесс колонизации проходит уже иначе, исходя из традиции общинного, коммунального проживания. Колонизируя новые территории, русское население изначально было настроено на ненасильственное присоединение и включение местного населения в среду политических отношений. В отличие от европейской колонизации, которая была сориентирована на прямую экономическую эксплуатацию, вплоть до рабства, или даже уничтожения местного, коренного населения.

Русская государственность формировалась, в определенной мере, под воздействием политической традиции, заимствованной у Византии. Так можно, например, говорить об общности системы взаимоотношений монарха и народа. Рассмотрим один из важнейших мифов национального сознания, который заключается в необходимости сильной власти для обуздания народной стихии. В данном случае мы, как уже было показано выше, сталкиваемся с проявлением такого архетипа как тоталитаризм который, воспринимается как изначальная данность, благодаря чему появляется возможность формулировать большой комплекс политических и этических проблем в короткой и емкой форме - в виде мифологемы о сильном государстве, империи, третьем Риме. Наличие подобного мифа, который выступает в роли политической аксиомы и позволяет личности четко идентифицировать любые события политической жизни, не прибегая к глубокому социальному анализу.

При этом функционирование данного мифа приводит к тому, что при наличии глубокой духовной связи с государством, высшая цель русского человека – это служение государству как воплощению религиозной идеи. Вследствие этого в сфере бытовой политики утверждается устойчивая отстраненность власти от народа, и, прежде всего, отстраненность государственного аппарата. Возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда при органическом единении власти и народа в области духовной через личность царя, народ и политический аппарат находятся в непримиримом антагонизме.

Сочетание образов царя и бога не случайно. Мистическая особенность русского религиозного мышления производит экстраполяцию чувственного восприятия бога на чувственное, религиозно-мистическое восприятие власти. Власть оказывается столь же непонятной и непостижимой, сколь непонятен и непостижим бог. Это объясняет то, что претензия влияния на политический процесс оказывается крайне незначительной, также как претензия влияния на бога. Личность может находиться в состоянии пассивного ожидания благодати, или в политическом плане «монаршей воли». Навязывание религией несовершенства и убогости народа, его «греховности», завершает оформление этого мифа и делает его основой для признания необходимости тоталитарной власти в русском государстве.

Ограничение власти государя, «помазанника божия» - святотатство. При сравнении с политическим мировоззрением, обнаруживаются довольно очевидные параллели. Так же, как и в религиозной жизни, человек далеко не всегда нуждается в слуге культа, а напрямую стремится, через молитву перед иконой обратиться к богу, так и в политической сфере человек не нуждается в государственном аппарате, а нуждается в прямом обращении к царю, через которого бог проявляет свою справедливую сущность и реализует «правду Божию на земле». Народная поговорка «Без царя в голове» как нельзя ярко характеризует

это понимание смысла власти. Царь в данном случае выступает символом порядка. Примером из русской литературы может служить повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка», где этот этнический миф находит свое художественное отражение.

Таким образом, взаимоотношения с властью строятся не на основе договора, а на основе религиозного подчинения и обожания ее верховного носителя. Православие однозначно относится к власти, не освещенной религией, как к греху. И человек, который пытается подчинить себе «мир», стать над обществом, утвердить свою власть, без божественной на то санкции, совершает грех. Это и выводит царя за рамки всякой социальной критики, перенося весь центр ее на государственный аппарат.

Весь ход русской истории демонстрирует постоянное стремление народа к сильной власти. Народ нуждается в сильном царе, и силовые, карательные действия власти воспринимаются зачастую как знаки этой сильной власти, а не как политический произвол. К тому же, организация политической системы лишает общество реальной возможности влиять на власть. У него остается только один механизм – это бунт, или восстание. Примеров и того, и другого в русской истории предостаточно. Причем характерно то, что и бунты, и восстания не всегда возникают как реакция на произвол властей. Революционные события начала XX в. стали возможны потому, что общество воспринимало Николая II как слабого, управляемого другими, посторонними людьми, монарха. Аналогичная ситуация, исключая религиозную составляющую, сложилась и в конце XX века, когда М. Горбачев не воспринимался обществом как «сильный» руководитель. И естественно, что его стремление внести в русское общество элементы публичности и демократизма, обернулись крушением СССР и отделением от России даже части славянских территорий.

Таким образом, религиозное мышление в значительной мере определяет политическую сферу жизни российского общества. Являясь по сути своей личностным и мистическим, а не рациональным и публичным как у европейцев, персонифицированная государственная власть также становится личностной и иррациональной. «Царь батюшка», «Отец всех народов»- это синонимы, которые имеют в своем содержании два основных компонента. Первый компонент – это соборность, представление о государстве как о большой семье, второе – это порядок, который устанавливает власть. При этом понимание задач, которые стоят перед властью, доступно только ей самой. Даже жестокость, которую она проявляет к своим подданным, может быть оправдана в их глазах этими высшими целями. Все это следствия мифологизации власти и показатель того, как она воспринимается на эмоционально - чувственном уровне.

Подобное отношение к государственной власти обладает важной специфической особенностью – стремлением постоянно оценивать действия власти с моральных позиций. Общество может «влюбляться» в политического лидера, и готово прощать ему самые страшные преступления, если согласно общественному мнению эти преступления соответствуют божественному предназначению, интересам народа. Но если политический деятель утрачивает эту любовь, то с такой же страстью общество стремится уничтожить его. Отношение к царизму накануне февральской революции - ярчайшее проявление этой особенности национального сознания. Произошло отрицание царизма как личностной семейной формы правления, царизм утратил в глазах общества моральное право на власть. Но при этом не произошло отрицание необходимости авторитарной государственной власти как первичного компонента устройства государства. И потому практически все политические деятели, которые претендовали на власть в 1917 г., проявили себя либо как состоявшиеся, либо как не состоявшиеся

диктаторы. Такова специфика понимания русским человеком власти и в настоящее время серьезных изменений в этом плане не произошло.

Другим важнейшим составляющим элементом, определяющим функционирование власти в стране, является такой этнический архетип как «соборность».

«Эта соборность, «мы-мировоззрение» органическое единство человеческого сообщества образует основу русской церковной мысли... Церковь... не высшая организация, не институт, который удерживает верующих авторитетом и духовным принуждением, не единство, которое может быть олицетворено в какой либо единичной человеческой власти или инстанции, как в католицизме, а именно первоначальное, живое, внутреннее духовное единство всех верующих, так сказать «божественная кровь», которая циркулирует во всех них и через них».⁸⁴ Все что в данном случае С.Л. Франк говорит о церкви, полностью может быть отнесено и к власти.

Соборность как форма ощущения духовного единства общества, в политической сфере выливается либо в полное единство нации и власти, либо в их противоречие и отчуждение. Промежуточной формы в данном случае быть не может, так как иррациональное восприятие явления приводит к пониманию его, прежде всего вне структурной формы, как чего-то цельного и нераздельного. Фактор морального оправдания деятельности власти создает исключительные условия для консолидации общества вокруг нее и дает моральное оправдание всяческой ее несправедливости. Потому, чем сложнее и опаснее ситуация для государства, тем более монолитно и цельно проявляет себя общество. Личностное отношение к власти заставляет каждого индивидуума соотносить свои действия с действиями других членов общества. При

---

⁸⁴Франк С.Л. Русское мировоззрение. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С.487

этом, любые действия однозначно получают, все ту же, моральную оценку, причем оценку настолько интенсивную, что ее можно сравнить именно с религиозной оценкой верующего человека. Слияние понятия «правды» и понятия «мир» выводит личность сразу же на уровень глубинной личностной оценки своего поступка. И потому даже пассивность воспринимается как вероотступничество, не говоря уже о какой либо, даже неумышленной помощи врагу.

Все это очень ярко проявило себя и во время нашествия Наполеона в 1812 году, и в годы Великой Отечественной войны. Та внешняя легкость, с которой развалился Советский Союз, была следствием «неисчерпанности» русской соборности, а разрушения изначальной данности права морального оправдания центральной власти на власть. Но это не устранение старых схем поведения - это реструктуризация систем взаимоотношения народа с изменившимися внешними условиями, это метаморфоза, которая возникла в условиях политического кризиса.

Рассмотрим еще один этнический архетип, – «мессианизм». Русский мессианизм в отличие от подобного элемента сознания у других народов не первичен, а вторичен. Он не отталкивается от идеи исключительности народа, а содержит в своей основе идею жертвенности за истинную веру. А так как бог и народ представляют русском сознании в единое целое, то русский мессианизм отражается, прежде всего, в социальной жизни общества и апеллирует либо к идее государства, либо к социальным идеям равенства или «коммунальной правды».

Русский мессианизм такой же плод развития истории русского народа, как и любой другой из описанных нами архетипов. Но его роль в национальном сознании совершенно особенная. Утверждение в национальном сознании особой роли России в мировой истории, напрямую связан с той изолированностью, в которой оказалась Россия в

религиозном плане. Если учесть, что все проблемы национального сознания вращаются вокруг проблемы оправдания деятельности человека и народа в целом перед богом, то очевидно, что вопрос об оправдании колонизации, об оправдании особой исторической роли России должен был быть поставлен и разрешён. И идея монаха Фелофея о третьем Риме, стала идеологической основой формирования русской империи.

Русский мессианизм обладает целым рядом особенностей. Прежде всего, мессианская идея русской нации не сопряжена с идеей насильственного обращения в веру представителей других народов. Русский мессианизм не претендует на политическую власть, он проецируется, прежде всего, на власть внутреннюю, на власть внутриличностную над своими адептами, теми кто воплощает мессианскую идею. Особенности русского национального сознания проявляются в данном случае столь же закономерно и последовательно, как и в случае с отдельной личностью. Исключительность народа должна быть так же морально оправдана, как и исключительность отдельного человека. Найти же это оправдание возможно только в жертвенности. И потому как личность не может претендовать на власть без морального оправдания, так и народ не имеет этого права. Та особенность русских войн, когда поначалу русская армия терпит поражения, а потом, как бы вдруг, мобилизуется и добивается выдающихся результатов, как раз заключается в функционировании этого архетипа. Им же определяется и такое необычное явление духовной жизни общества как русофобия, которая является уникальным проявлением русского национального сознания, так же определяется этим архетипом. Принято считать, что прежде чем возвысится, необходимо унизиться и потому с таким, почти религиозным рвением, мы ругаем и поносим себя, и при этом практически сразу же переходим к утверждению особой духовной миссии России и ее всемирно-исторической значимости. В русском национальном сознании эти противоположности не только совместимы,

но и стимулируют конкретные действия. Подобное поведение характерно для русских юродивых и для старцев, которые на протяжении всей истории России являлись духовными отцами нации.

После вычленения и описания наиболее важных, на наш взгляд, этнических архетипов русского национального сознания связанных с политической сферой жизни общества, необходимо отметить, что русскому национальному сознанию свойственны интенсивные формы психологических реакций. Подобный высокий динамизм поведения связан с тем, что на деятельность нации влияет фактор ее моральной оценки, а это определяет тот высокий уровень контрастности поведенческих реакций, который мы наблюдаем в истории.

Но не только этническими константами и этническими архетипами руководствуется человек, участвуя в политической жизни. Не менее важным элементом сознания являются социальные стереотипы.

Впервые термин «социальный стереотип» ввел У. Липпман. Согласно его определению, стереотип - это упорядоченные, схематичные, детерминированные «картинки» мира, которые экономят усилия человека при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права.⁸⁵ Выводы эти были сделаны в 1972 году. С тех пор авторами было предложено множество различных вариантов определения социального стереотипа.⁸⁶

---

⁸⁵ Lippmann W. Public opinion. N.Y. 1922. P.56

⁸⁶ Так Т. Шибутани определяет социальный стереотип как "популярное понятие, обозначающие приблизительную группировку людей, с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей" (Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. С.80) Р. Таджури понимает под социальным стереотипом "склонность воспринимающего субъекта легко и быстро заключать воспринимаемого человека в определенные категории в зависимости от его возраста, пола,

В 1978 г. Г. Теджфел суммировал главные выводы в области социального стереотипа в виде следующих шести положений:

1) люди с легкостью проявляют готовность характеризовать обширные человеческие группы (или «социальные категории») не дифференцированными, грубыми и пристрастными признаками;

2) такая категоризация стремится оставаться совершенно стабильной в течение очень длительного периода времени;

3) социальные стереотипы в некоторой степени могут изменяться в зависимости от социальных, политических или экономических изменений;

4) социальные стереотипы становятся более отчетливыми (произносимыми), когда возникает социальная напряженность между группами;

5) они усваиваются очень рано и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся;

6) социальные стереотипы не представляют большой проблемы, когда не существует явной враждебности в отношениях групп, но их в высшей степени трудно модифицировать и управлять ими в условиях значительной напряженности и конфликта.⁸⁷

Не трудно заметить, что скажем пункт 2 и пункт 3 противоречат друг другу. Либо стереотипы стабильны, либо они меняются. Таким образом, возникает необходимость разделения их на две группы, - на те, которые стабильны и те, которые подвержены быстрым изменениям.

этнической принадлежности, национальности и профессии и тем самым приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой категории" (Tagiuri R. Person perception//I.Lindzey. E. Aronson (eds.) The handbook of social psychology. N.Y.: Raven Press, 1969 Vol.3.P.27)

⁸⁷ Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие, социально психологические проблемы. М.: МГУ, 1990. С.137.

Даже бытовой опыт показывает, что такие группы представлений имеются и их соответственно необходимо различать.

На наш взгляд использование термина «социально-политический стереотип» позволяет обозначить круг проблем, которые связаны с социальными и политическими представлениями отдельных социальных групп, которые имеются в обществе. При этом они неразрывно связаны с образовательными, возрастными, профессиональными и прочими социальными признаками. Социально-политические стереотипы осознаются личностью и являются продуктом осознанного убеждения и политического выбора. Они не обладают стойкой зависимостью от социальных и религиозных условий существования личности. И определение личностью своего места в социальной сфере, соотнесение себя с той или иной социальной группой – есть ее осознанный выбор. Ригидность политических стереотипов не столь значительна, как у этнических констант и архетипов, а потому они могут меняться даже в очень короткие исторические периоды. Социальные стереотипы могут меняться в зависимости от идеологического воздействия на личность, через сферу образования и политической пропаганды. Как правило, социально-политические стереотипы ориентированы на восприятие отдельных личностей, партий или отдельных исторических событий. Подобных примеров изменения стереотипного политического мышления можно привести множество. В частности восприятие обществом М.С.Горбачева в начале периода его руководства государством и в конце, аналогичная динамика наблюдалась и по отношению к Б.Н. Ельцину. Если мы углубимся в историю, то можем увидеть, что, например, отношение к Петру I у крестьян вплоть до начала XX века было как к царю «антихристу», тогда как в среде интеллигенции и дворян - как к величайшему государственному деятелю. В связи с тем, что советское образование выбрало по отношению к Петру I, дворянскую модель,

стереотипное мнение, которое существовало среди крестьян, в наши дни полностью прекратило свое функционирование.

Наряду с этим, в социальной психологии под социальным стереотипом принято так же понимать схематизированный, упрощенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Примером такого стереотипного восприятия может служить восприятие народа русской интеллигенцией в конце XIX в начале XX века. Практически вся деятельность народничества пронизана стереотипными представлениями о народе, которые ничего общего с реальным положением дел не имели, что в конечном итоге и привело к его кризису. Кроме того, специфика нашего исследования заставляет вкладывать в этот термин дополнительное содержание. Если в вышеприведенном примере мы имеем рефлексию одной группы на другую, то в нашем исследовании стереотипными представлениями мы будем так же считать образы, которые широко распространены в конкретный исторический период по отношению к тому или ному политическому деятелю, политическому институту или социальной группе внутри этноса.

Выводы. Таким образом, русское национальное сознание представляет собой сложную, многоуровневую систему, которая формировалась на протяжении всей тысячелетней истории страны. В основе ее лежат этнические константы, представляющие собой миропонимание и стратегию выживания. Они обладают высокой ригидностью и практически неизменны. Следующим уровнем этой системы являются этнические архетипы. Их формирование и функционирование связано с религией. Этнические константы и архетипы являются неизменно частью национального сознания нации. Их влияние происходит при помощи культурной темы народа, которая так же зависит от вероисповедания и для русского этноса определяется как «моральное оправдание поступка». Третий уровень этой системы -

социально-политические стереотипы, которые могут претерпевать очень существенные изменения за относительно небольшие периоды времени. Наряду с этим существует комплекс сложных устойчивых образований, которые мы определяем как русские этнические мифологемы, позволяющие в упрощенной, зачастую фольклорной форме транслировать действие этнических констант и архетипов. Все эти элементы русского национального сознания постоянно влияют на ход политического процесса, формируя достаточно стабильную систему политической жизни общества, несмотря на всю кажущуюся ее противоречивость и хаотичность.

Глава 2. Острый политический кризис и его зависимость от метаморфоз русского национального сознания

2.1. Предпосылки острого политического кризиса начала XX века.

Для продолжения нашего исследования необходимо вычленить несколько важных феноменов политической жизни России конца XIX начала XX века, которые во многом зависели в своем функционировании от русского национального сознания и которые в свою очередь сами оказывали важное влияние на метаморфозы русского национального сознания в условиях политического кризиса первой половины 1917 г. Хотелось бы обратить внимание на три таких феномена.

Первый феномен, который необходимо выделить - это своеобразный комплекс вины интеллигенции перед народом, который был одним из важных элементов революционного движения. Второй - нигилизм по отношению к личности царя, который в тех исторических условиях приобрел крайнюю форму слияния нигилизма по отношению к личности царя и к царизму, как к форме власти. И третье - это Первая Мировая война.

Все эти исторические феномены, отражаясь в национальном сознании русского народа, во-первых определяли политическую и этнополитическую атмосферу накануне февральской революции, и во-вторых оказали влияние на дальнейший ход развития событий

Для понимания первого выделенного феномена, а именно комплекса вины интеллигенции перед народом, необходимо остановиться на таком явлении, как народничество. Народничество не является уникальным

явлением. Схожие по своему содержанию явления можно наблюдать, например, в Турции, когда в середине 20-х годов XX века, когда образованная молодежь, вдохновленная идеями пантюркизма, так же шла в народ, создавала школы, стремилась к распространению образования, и так же, как в России встречала непонимание со стороны крестьян. Можно предположить, что подобные явления характерны для этносов, которые имеют два параллельных пласта культуры, народную и образованной интеллигенции. Процессы формирования государства в его современных экономико-политических формах вызывают волну патриотического подъема у определенных социальных общественных групп – студентов, юристов, ученых, врачей, творческой и технической интеллигенции направленную на его скорейшую трансформацию. При этом наличие в сознании народа этнической константы коллективизма, возможность проявления подобного общественного феномена возрастает.

Комплекс вины русской интеллигенции перед народом, представляет собой реализацию таких этнических архетипов как мессианиззм, соборность, кенотизм, отчужденность от государства. Личность, которая бессознательно опирается в своей деятельности на этническую константу коллективизма видит свой долг в почти религиозном служении «міру» и в этом формируется ее миссия. При этом условием для подобного «отношения к народу явилось различие в культурном опыте различных слоев общества. В России, в течение всего XIX века, существовало две культуры. Причем, национальная культура правящих классов формировала мифологический образ народа, не особенно вникая в объективные реалии его культурной жизни. Существовало как бы две культуры: одна реальная – народная, а другая - культура о народе. Незнание народа, оторванность от него вела к его мифологизации, превращению народа в некоего идола, которому необходимо служить. На уникальную роль комплекса вины перед

народом, на его значимость и роль в революционном движении России особо указывали участники сборника «Из глубины» в 30-тые годы.⁸⁸

Мифологизация русского народа, в свою очередь позволяла создать основу революционной героической этики и способствовала устойчивости этой мифологии в личном и общественном сознании. Это служило основой оправдания борьбы против существовавшей политической власти, во всех, даже самых насильственных, экстремистских формах.

Идеологическая эволюция народничества шла в двух направлениях. Первое направление - это самостоятельные, русские идеологические системы (толстовство, анархизм), Второе - адаптировались заимствованные из Европы идеологические системы (марксизм). По сути дела марксизм и толстовство, - эти два наиболее ярких идеологических течения начала века, как бы обозначили два извечных полюса российской духовной жизни. Они стали продолжением известного спора между западниками и славянофилами, но влияние комплекса вины перед народом пронизывало как одно, так и другое течение.

В своей статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение.» В.И. Ленин, анализируя особенности мировоззрения Л. Н. Толстого, пишет о той роли, которую играет традиционное русское политическое мировоззрение, проникая в современную политическую жизнь общества, - упрощая ее и возвращая к традиционной мифологеме власти. «...Критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение.»⁸⁹ По мнению В.И. Ленина, этика Л. Н. Толстого, утверждается и

---

⁸⁸ Из глубины: Сборник статей о русской революции.. М.: МГУ, 1990.

⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, в 55-ти т., М.: Правда, 1971-1975. Т. 20 С.38-41.

развивается в рамках традиционной системы русских политических взглядов. Неслучайно, он называет Толстого и его творчество «Зеркалом русской революции». Коллективизм как особенность национального мышления, органически связан с марксизмом, в большевистском смысле его понимания, и одновременно с толстовством.

Творчество Л.Н. Толстого, как и других классиков русской литературы, наполненное религиозным преклонением перед народом, создавало благоприятный моральный фон для революционного движения, формируя не только комплекс вины перед народом, но и представляя участие в политике романтическим и даже модным занятием.

Марксизм, как новое идеологическое учение, пришедшее с Запада, оказался исключительно актуальным для русского общества. Он содержал в себе целый комплекс элементов, которые были выделены русским национальным сознанием, своеобразным образом переосмыслены, усвоены и, в последующем, применены для решения внутренних как духовных, так и социальных проблем. Яркий социальный пафос, который содержался в марксизме, претензия на универсальность в понимании социально-экономических и политических парадигм общества, позволил марксизму стать важным явлением духовной жизни русского общества. Показательно и то, что идеи марксизма, стали рассматриваться русской философской мыслью с религиозных позиций.

Так С. Н. Булгаков стремился показать нравственную обязанность христианина отвечать не только за свою душу, но и за общество. В этом отношении, идеализм, по мнению С. Булгакова, получил как бы новый импульс-прививку от молодого энергичного марксизма. Он называл марксизм «источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным бродилом», «первым горячим ручейком, растопляющим зимний лед»⁹⁰.

---

⁹⁰ Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму // Труды по социологии и теологии.. М.: Наука, 1997. Т. 1, С. 3-4.

Отодвигая на задний план актуальнейшую задачу технической модернизации общества, национальное сознание выделило в марксизме, прежде всего то, что соответствовало традиционной мифологеме власти. По сути дела, проявилась закономерная для России тенденция формирования и развития такой ситуации, когда в духовной сфере общества формируются и развиваются идеологические системы, отвечающие, прежде всего, традиционалистским тенденциям. Основанные на коллективной, уравнивательной этике, они вступают в конфликт с процессом реформирования общества по европейскому буржуазному образцу, основой которого является этика буржуазного индивидуализма.

В начале XX века Россия находилась в глубоком политическом и экономическом кризисе и только входила в индустриальную эру. Поэтому ей были свойственны все проблемы, с которыми сталкивается общество в первые периоды индустриализации, в особенности с той высокой степенью конформизма, который имеется у рабочих, еще недавно бывших крестьянами. Современные исследования социальных психологов по выявлению уровня конформизма при взаимодействии отдельных социальных групп, показали, что он во многом зависит от социокультурных особенностей испытуемых. Исследования британских ученых С. Перри и К. Спенсера,⁹¹ проведенные в 1981 году, показали высокую зависимость этого социально - психологического феномена от национальных особенностей личности. При этом, очевидно, что в доиндустриальных обществах уровень конформных реакций будет заведомо выше, а главное, податливость мнению большинства будет интерпретироваться отнюдь не как нечто однозначно отрицательное, а в высшей степени положительное явление, как социальная ценность и норма. Россия в начале века была страной доиндустриальной и потому,

---

⁹¹ Perrin S. Spenser C. Independence or conformity in the Asch experiment as a reflection of cultural and situational factors//Brit.J.of Soc. Psychol.1981.Vol.20

так называемое, рабочее движение было по своему социальному составу далеко не рабочим, скорее крестьянским. Бывшие крестьяне не могли в полной мере оперировать понятиями социального партнерства или демократических ценностей. И нет ничего удивительного в том, что именно та партия, которая предложила концепцию конфискации помещичьей земли, пришла к власти. Лозунги «земля крестьянам» и «фабрики рабочим» по сути своей близки крестьянскому общинному сознанию, и полностью соответствовали архетипам национального сознания.

Сам же комплекс вины мы можем отнести к социально-политическим стереотипам. Его действие было не продолжительным и практически прекратило свое существование уже в 30-тые годы XX века. Но на период 1917 г. он имеет важное значение, не только для общей политической атмосферы в обществе, но и, как будет показано в дальнейшем на примере деятельности председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, на процесс государственного строительства и реформирования.

Вторым фактором, так же во многом определявшим политическую ситуацию в России – можно считать негативное отношение к существовавшей власти, к царизму. Эта ситуация объясняется, прежде всего, двумя причинами.

Первое – распространенное в русском обществе мнение о влиянии супруги императора на политическую жизнь страны. Подобное влияние в обществе, в основе оценок которого, лежат «патриархальные» формы этнического сознания, а, соответственно, и очень высок уровень конформизма, крайне болезненно воспринимается общественностью.

Второе - мрачная фигура Григория Распутина, которая крайне усугубила негативное отношение к царю. Полуграмотный мужик, который вследствие обстоятельств оказался у трона, и который, через императрицу влиял на ход государственных дел, окончательно

дискредитировал монархию и монарха. Сложилась ситуация, при которой Николай II, как личность и как политический деятель, приобрел крайне негативную оценку общества и эта оценка имела, прежде всего, моральную основу. То, насколько было велико влияние Г. Распутина и насколько оно слилось в сознании людей с судьбой монархии, подтверждают воспоминания современников. Фрейлина её императорского величества А.А. Вырубова, определяла убийство Распутина, как «бескровную революцию». В своих мемуарах она писала: «Когда в столице узнали об убийстве Распутина, все сходили с ума от радости; ликование общества не было предела, друг друга поздравляли: «Зверь был раздавлен,» - как выражались, - «злого духа не стало.» От восторга впадали в истерику»⁹².

Царская семья противопоставила себя русскому обществу в целом. Высшие слои общества были оскорблены присутствием и влиянием Распутина на государственную политику, другие же слои общества питали свою неприязнь к влиянию императрицы на императора.

При наличии в национальном сознании такого этнического архетипа как личностное отношение к власти, это вело к ее отрицанию и социальной изоляции, что и отмечала в своих мемуарах А. А. Вырубова: «... их величества имели около себя только несколько преданных друзей да министров, которые все были осуждены общественным мнением. Всем им ставилось в вину, что они были назначены Распутиным».⁹³

Но, вместе с тем, когда Л.Д. Троцкий говорил: «...страну так радикально вырвало монархией, что она ни как не могла пролезть народу в глотку. Революционные массы не допускали и мысли о новом

---

⁹² Белоэмигранты о большевиках и пролетарской революции. / Под ред: Э.А. Наугольных. Пермь: Интер-омнис, 1991. С.7.

⁹³ Там же. С.9.

царе.»⁹⁴ – он не был объективен. Монархией да, но не авторитарной формой правления. Основная масса населения поддержав отречение Николая II, по-прежнему, воспринимала власть как монархию, не делая особенного различия между царем выбранным, или царем по родословной. Революция 1917 г. - это бунт, который не только не устранил авторитарное правление в России, а еще больше его укрепил.

Третий фактор, который определял психологическую ситуацию в стране - это I Мировая война. Подходя к анализу событий любого исторического периода, нужно отметить, что на динамику процессов, происходящих в обществе и проявляющихся в поведении отдельных групп, всегда влияет какое-то главное, ключевое историческое событие. Оно является своеобразным катализатором, резко усиливающим динамику взаимодействия групп, их поведенческие реакции, обнажая глубинные, базовые формы поведения нации в целом. В условиях экстремальной ситуации, личность не пытается найти сложные решения, а зачастую опирается на имеющиеся, исторически утвердившиеся формулы. В начале XX века таким событием стала Первая Мировая война. Сложная ситуация, в которой из-за войны оказалась нация, резко обнажила и усилила проявление особенностей русского национального сознания.

Анализируя влияние, I Мировой войны, как и любой войны вообще, на политическую ситуацию в обществе, необходимо, прежде всего, отметить, что это влияние, как правило, двойко. Оно может быть как консолидирующим, так и деструктивным. При этом, если учесть контрастность поведенческих реакций русского народа, эти тенденции превращаются в реальный политический фактор, который невозможно игнорировать.

---

⁹⁴ Троцкий Л. Д. Из истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. С.306.

На протяжении всего XX века мы можем наблюдать проявление как одной, так и другой тенденции. В начале века во время I Мировой войны - деструктивная, в середине века во время II мировой войны, консолидирующая.

Казалось бы, тот же народ, практически та же территория и этнический состав государства, царский режим куда более либерален к своим согражданам, чем режим коммунистический, реакции диаметрально противоположны. Надежды царизма на то, что война может сплотить русское общество и подавить революционное движение, и надежды Гитлера на развал СССР после его вторжения, оказались одинаково необоснованными.

Отвечая на вопрос, почему именно деструктивная тенденция проявилась во время I мировой войны, необходимо проанализировать, как русский миф власти соотносился с существовавшими политическими реалиями.

Начальный этап войны сопровождался взрывом патриотизма. Но постепенно затяжной и откровенно захватнический характер войны вызывал недовольство простых солдат. Правительство совершило кардинальный просчет, полагая, что те захватнические цели, которые ставились руководством страны в плане завоевания проливов, и которые открыто поддерживались крупнейшими буржуазными политическими партиями, будут поддержаны всем обществом. Захват чужой территории в любом случае должен иметь под собой серьезное моральное оправдание. Такого оправдания у царизма не было. В этом плане показательны первые дни февральской революции, когда пораженческие речи воспринимались в штыки большинством солдат, и в то же время продолжение войны с целью аннексии чужих территорий, вызвало такое же всеобщее возмущение среди тех же солдат и сторонников левых партий. И неудивительно, что в последующем отношение к войне приобрело социально-классовую окраску и привело к деструкции

общества. Но в начале войны консолидирующая тенденция проявилась достаточно ярко и общество, в основном, было едино по отношению к войне. В этом отношении показателен пример с социалистом-революционером В.Л. Бурцевым, который под влиянием патриотических настроений решил прекратить революционную деятельность и вернуться на родину с целью ведения компании за войну, рассматривая ее как необходимое общественное дело. И когда на родине его арестовали, то защитником на процессе социалиста - революционера В.Л. Бурцева был кадет В.А. Маклаков.

Данный пример достаточно ярко показывает, что архетипические формы сознания бывают, зачастую, сильнее политических убеждений, поскольку система архетипов и этнических констант имеет гораздо большую глубину и значимость для личности, чем система политических воззрений. Известная позиция большевиков, нацеленная на поражение царизма в войне, также была поглощена патриотизмом. Так, в «Правде» от 15 марта 1917 г. большевик Л.Б. Каменев четко и определенно пишет следующее: «Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ»⁹⁵ Ситуация, основанная на чувстве патриотизма и определенной дезориентации была вполне естественна в условиях столь бурных политических событий.

Патриотизм в начале войны, как и всплеск патриотизма сразу же после Февральской революции, явления вполне закономерные, поскольку основой патриотического подъема была идея защиты Родины от врага. Но выведение на острие политической пропаганды идеи классового характера войны, лишает патриотизм высокой позитивной моральной оценки и переносит ее в контекст борьбы против морально

---

⁹⁵ Правда. 15 марта.1917.

обозначенного зла, классового угнетения, и в борьбе с этим «вселенским» злом любые способы получают оправдание.

Таким образом, можно наблюдать процесс, который вызывает метаморфозы национального сознания, под влиянием исторических событий. В начале войны консолидация нации на позициях патриотизма, потом отрицание формы власти под воздействием тягот войны на фронте и перенос социального напряжения в обществе в сферу классовой борьбы, а после февральской революции - формирование системы ценностей на принципах социальной конфронтации и утверждение марксизма в его крайних экстремистских формах.

После описания этих трех компонентов, формировавших политическую и социальную ситуацию в России в 1917 г., можно показать то, как особенности русского национального сознания и его метаморфозы влияли на ход политического процесса.

Важное место в русском национальном сознании всегда занимало личностное отношение к власти. Слияние личности и власти как единого общественного феномена связано с той византийской традицией, которую мы унаследовали вместе с православием. Если на Западе власть императора и папы находились в антагонизме, а церковь претендовала и на светскую власть, то в Византии император всегда был самодержцем, который ведал не только делами политическими, но и делами духовными. Но подобная концентрация власти приводила к тому, что моральный компонент в образе монарха приобретал исключительно важную роль. До тех пор, пока власть демонстрировала свою недоступность и непостижимость, она имела позитивную оценку общества. Но как только общество обнаруживало, что на власть оказывается некое влияние и она утрачивает самостоятельность своих действий, то ее авторитет катастрофически рушился. Этот феномен ярко проявился и в других историко-политических условиях. Так, во время правления М.С.

Горбачева, распространившееся мнение о том, что его супруга непосредственно влияет на процесс принятия политических решений, привело к негативной оценке его как политического лидера. Та эволюция, которую претерпело национальное сознание по отношению к личности Николая II, в конечном итоге, привела к отрицанию и самой формы власти в целом. В начале века царизм исчерпал свою моральную претензию на власть в лице Николая II (прозванного «кровавым»). Практически с самого своего воцарения Николай II делал шаги, которые вызывали негативную моральную оценку его деятельности. Давка на Ходынском поле во время коронации, кровавое воскресенье в январе 1905 г., крайне неудачная русско-японская война, фигура Григория Распутина с его оргиями и бесцеремонным вторжением в государственную политику и судьбы людей - все это делало образ Николая II, а соответственно и образ царизма, как формы власти, несостоятельной.

Общественное мнение все больше и больше ориентировалось на модернизацию общественной жизни по европейскому, буржуазно-демократическому образцу. Одновременно с этим марксизм все успешнее завоевывал идеологические позиции и становился модным явлением. Это объясняется тем, что с одной стороны идеология марксизма, по сути дела, превращается из социальной доктрины в форму религиозного мышления, а с другой стороны, марксизм отвечал требованиям традиционной уравнилельной этики, которая, являлась одним из элементов русского национального мышления, и вследствие этого получал позитивную моральную оценку.

В сущности, в системе этнических архетипов серьезных изменений не происходит - метаморфоза русского национального сознания затрагивает комплекс поведенческих реакций направленных на государство. Формируется негативное отношение к старому государству и создается миф нового государства. При этом старые архетипы не

изменяются, а просто экстраполируются на будущую власть. Миф власти не изменяется, такие архетипы как отчужденность от власти, авторитаризм, традиционализм, соборность продолжают функционировать как и прежде без изменений, с тем только отличием, что они становятся интенсивнее, так как утверждение новой религии - марксизма, требует больших духовных затрат в виду очень интенсивной моральной оценки.

Надежды царизма на то, что война сможет консолидировать общество, не оправдались не только потому, что война оказалась затяжной и мучительной, но, прежде всего, потому, что моральная оценка власти ведущей эту войну, трансформировалась в обществе в негативную, и ее продолжение только ускорило процесс морального отрицания царизма как формы власти.

Три года войны активнейшим образом влияли на психологию общества, стимулируя агрессивные стороны человеческой природы, приучая нацию к насилию. Н.А. Бердяев отмечает: «...война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе.»⁹⁶

Возникает необходимость сопоставления структуры русского национального сознания и тем социальным «типом», который формировался в обществе в ходе войны. Для этого можно привлечь данные социальной психологии. Так, исследуя проблему «авторитарной личности» Т. Адорно выделил девять операционных характеристик авторитарной личности, подробно описанных и прокомментированных им: 1) косность, религиозность, стереотипность мышления; 2) приверженность ценностям «среднего класса»; 3) вера в «моральную чистоту» собственной группы и отказ в таковой другим группам; 4) преувеличенный интерес к проблеме власти, силы, насилия; 5) опасения

---

⁹⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С.101.

попасть под власть «чужих», требования создать барьеры для предохранения от их проникновения в свою среду; б) цинизм, уверенность в том, что все средства хороши для достижения неизменно «высоких и справедливых» целей собственной группы; 7) преувеличенный конформизм в сфере сексуальных отношений; 8) соблюдение всяческих условностей, преследование тех, кто их нарушает; 9) мистическая предрасположенность.⁹⁷

Сопоставив эти положения с теми характеристиками, которые были даны выше по этническим архетипам русского народа, можно увидеть ряд серьезных совпадений. Таких, например, как традиционализм - 1 пункт; тоталитаризм - 4,6; максимализм - 9; и т. д. Эти совпадения позволяют сделать вывод о том, что в национальном сознании имелось достаточно предпосылок, которые в условиях войны, получив значительное усиление, послужили основой для формирования того авторитарного типа мышления, о котором писал Бердяев⁹⁸, и, соответственно, - авторитарной личности.

Война в огромнейших масштабах воспроизводила авторитарную личность, она вооружила ее, научила воевать, даровала ей власть. Она до предела обострила классовые антагонизмы. Духовный раскол, переживаемый нацией в начале века, в условиях войны стал еще острее. Так С. Булгаков в своей статье «Героизм и подвижничество», вошедшей в сборник «Вехи», писал: «Положение, обострившееся именно за последние годы, делает современное состояние наше особенно мучительным. И к этому присоединяется еще и то, что борьбой интеллигенции в защиту народной воли пользуются, как предлогом, своекорыстные сторонники реакции, аферисты, ловцы в мутной воде, и все это сплетается в один исторический и психологический клубок, вырабатываются привычные ходы мысли, исторические ассоциации

---

⁹⁷ Adorno T.W. The authoritarian personality. N.Y.: W/P, 1950. P. 78

⁹⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С.101.

идей, которые начинают рассматриваться и сторонниками, и противниками их как внутренне обязательные и нерасторжимые. Оба полюса все сильнее заряжаются разнородным электричеством. Устанавливаются по этому уродливому масштабу фактические группировки людей на лагеря, создается соответствующая психологическая среда, консервативная, деспотическая. Нация раскалывается надвое и в бесплодной борьбе растрчивает лучшие силы.»⁹⁹ В данном случае мы намеренно привели столь пространную цитату, поскольку она очень полно характеризует ту атмосферу, в которой пребывало общество накануне 1917 года. Ни одна из программ, действовавших тогда политических партий, не предлагала миролюбивого подхода к решению социальных противоречий русского общества. Ни одна из партий не требовала мира с позиций общенационального политического компромисса. Требования правых политических партий сводились к ведению войны до победного конца, бесконечной и бесплодной, бессмысленной для большинства населения страны. Программы левых партий требовали превращения войны империалистической в войну гражданскую. В итоге, страна оказалась в политическом тупике, выход из которого был только один - через кровопролитие.

В данном аспекте проблемы следует обратить внимание на две политические силы того времени: большевиков и кадетов. В деятельности именно этих партий наиболее ярко проявились все особенности этнополитической ситуации в стране. И, кроме того, они были наиболее последовательны в своих действиях.

---

⁹⁹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск.: Издательство Уральского университета, 1991 С.46.

Как до февраля 1917 года, так и после февральских событий, отношение к войне партии кадетов было однозначно: «война до победы». В своих воспоминаниях П.Н. Милюков писал: «...кадеты считали своим долгом, ближайшей задачей объединить русское общество на общем понимании смысла войны, ее значения для России, ее связи с русскими интересами.»¹⁰⁰ Иными словами, они пытались использовать консолидирующую тенденцию. Но если в начале войны это было возможно, то к 1917 году, подобная тенденция исчерпала себя полностью. Агитация левых партий сформировала в обществе иное общественное мнение, чем в начале войны. На первый план вышли социальные противоречия. Острота этих противоречий была столь велика, что приводила к братанию на фронте. Иными словами, национальные противоречия становились не существенными, тогда как противоречия социальные приобретали основной, доминирующий, характер. Причем, эти противоречия оказались за счет низкого уровня авторитета центральной власти в целом персонифицированы до уровня отрицания личности царя. Царизм оказался тем препятствием, которое мешало всем слоям и классам общества в решении их социальных задач. Подобная ситуация привела к тому, что противоречия между соперничающими социальными группами перестали быть непреодолимым препятствием и на очень короткий промежуток времени привели к консолидации общества. События февраля 1917 года очень ярко продемонстрировали это социально-психологическое явление. Устранение же этого общего препятствия вело в конечном итоге к размежеванию и новому противоборству, что и показали дальнейшие события.

Кроме того, сама идеология войны противоречила этническим архетипам русского народа. Во-первых, к 1917 году стало ясно, что

---

¹⁰⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991.С.482.

война бессмысленна и имеет явный экспансионистский характер, и самое главное, реальной угрозы для российской государственности не несет. И, соответственно, война не имела своего морального оправдания в контексте российского мифа государства и идеи русского патриотизма. Во – вторых, и после февраля 1917 года официальная идеология войны оставалась не оборонительной, хотя и произносились лозунги о защите революции, а захватнической. И, несмотря на то, что кадеты пытались обрядить экономические интересы торгово-промышленных групп в одежды надклассовости, стержневой идеей во внешнеполитической доктрине партии была мысль о территориальной экспансии. ЦК партии кадетов даже была принята специальная резолюция, пространно обосновывающая эти требования и категорически настаивающая на том, « что при ликвидации войны Босфор и Дарданеллы с прилегающими берегами и Константинополем должны перейти в державное обладание России».¹⁰¹

Свою внешнюю экстремистскую политику, кадеты поддерживали политикой внутренней. По существу, перед кадетами встала дилемма: для продолжения войны внешней необходимо было выиграть войну с врагом внутренним. А.Н. Бенуа в статье «Почему мы воюем» писал, что сторонники «новых аргументов» хотели «занять войной» праздных и невежественных людей, «угрожающих из защитников родины превратиться в разбойников и душегубов». Почему? Оказывается вот по какой причине: «если солдаты вернутся домой без победы, то им захочется выместить свою злобу, и тогда, помещики, прощайтесь со своей усадьбой, буржуа - со своими банками, ремеслами и художествами, патриоты - с Россией и в конце концов - все со свободой». Поэтому «во избежании внутренней резни нужно занять миллионы резней

---

¹⁰¹ Думова И. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. С.21.

внешней»¹⁰². Идеологическая платформа партии кадетов, правящей партии на протяжении большей части 1917 года, была, как уже отмечалось, нацелена на продолжение войны и тем самым на усугубление внутреннего политического конфликта. Падение уровня жизни, хозяйственная разруха, безудержная инфляция - все это вело к радикализации общества, в том числе и на позициях левого радикализма, уравнилельного потребления и авторитарной формы правления. После февраля, когда процесс «полевения» пошел все с возрастающей скоростью и стал выходить из-под контроля партии кадетов, идея продолжения войны стала терять социальную основу. Практически весь 1917 год шла борьба между властью и обществом. Власть не получает морального оправдания, так как меркантильные причины войны никто не скрывает. Нежелание власти считаться с нарастающими пацифистскими настроениями населения приводит к ее отрицанию и к практически бескровной смене правящих элит. Система двоевластия в России, существовавшая почти в течение всего 1917 года, наглядно демонстрировала нарастающий раскол российского общества.

Настроение нации не всегда является отражением материального положения и благополучия людей. Нация может переживать в экономическом отношении тяжелый период, но быть единой и монолитной в своей духовной жизни, как это было в 1812 году, во время II мировой войны. И то же время, достаточно стабильное экономическое положение не является гарантией от социальных конфликтов. В России власть стабильна тогда, когда она имеет моральное оправдание своему существованию, и только в этом случае возможна стабильная политическая жизнь общества.

В 1917 году Временное правительство унаследовало от царизма войну, а вслед за этим и негативное отношение к ней общества. И,

---

¹⁰² Бенуа А.Н. Новая жизнь. 23 апреля 1917.

несмотря на политические действия против Советов летом 1917, остановить рост их влияния было невозможно, поскольку они становились олицетворением социальной правды и, соответственно, к ним переходил и центр власти. Русский максимализм в данном случае нашел благоприятную почву для своего проявления. Обе противоборствующие группы были морально правы. Одни защищали Отечество от врага и вели войну против немцев, другие защищали «социальную правду» и боролись против «эксплуататоров». В 1917 году шла борьба между тенденциями в национальном сознании между традиционным коллективизмом и нарождающимся буржуазным индивидуализмом. Естественно, что коллективизм оказался сопряженным с идеей социального равенства, а индивидуализм - с обогащением и богатством. Но поскольку традиционные ценности, как правило, доминируют в условиях острых политических кризисов, становится очевидным, что в тех условиях упорное стремление Временного правительства проводить внутреннюю и внешнюю политику с опорой на буржуазные ценности была обречена на провал. Но ситуация не являлась безвыходной. Аналогичным примером стали события 1991 года, где наблюдалась метаморфоза русского сознания, при которой буржуазный индивидуализм утверждался в обществе через уравнивательные лозунги. Если вспомнить лозунги и ожидания того времени, то несложно заметить, что по своему содержанию они были в большей степени традиционно уравнивательные, чем индивидуалистические. Уравнивать всех в потреблении, ликвидировать спецбуфеты, лишить привилегий партийных функционеров, - и этот список уравнивательных требований можно бесконечно продолжать. Но предшествующие годы перестройки настолько морально дискредитировали коммунистическую идеологию, что население с большим безразличием наблюдало и за развалом СССР, и за разграблением государственной собственности в процессе приватизации.

Нация была морально парализована. Традиционные уравнилельные ценности не могли быть задействованы в полной мере для социального протеста ввиду моральной дискриминации коммунистической идеологии. Именно такая этнопсихологическая дезориентация привела к тому, что система традиционных взглядов на богатство как на моральное зло была нейтрализована, а буржуазный индивидуализм на некоторое время получил положительную оценку.

Теперь обратимся к другой крайней политической силе - партии большевиков. Она в течение всего 1917 года выступала под лозунгом «Долой войну!», то есть с лозунгом полностью противоположным, лозунгу кадетов, и для данного анализа именно противопоставление контрагентов имеет ключевое значение.

Анализируя социал-демократическое движение того времени М. Вебер писал: «Главное средство политики - насилие, а сколь важно напряжение между средством и целью с этической точки зрения - об этом вы можете судить по тому, что, как каждый знает, революционные социалисты циммервальдовской ориентации уже во время войны исповедовали принцип, который можно свести к следующей точной формулировке: «Если мы окажемся перед выбором: либо еще несколько лет войны, а затем революция, либо мир теперь, но ни какой революции, то мы выберем еще несколько лет войны».¹⁰³

М. Вебер, характеризуя левый радикализм, указывает на его экстремизм, на то, что достижение сверхзадачи построения «светлого будущего» рассматривается, прежде всего, через вооруженный конфликт. В условиях же 1917 года, когда война обострила экономическое положение, приведя страну к разрухе, процесс радикализации общества шел галопирующими темпами, что создавало условия для проведения и оправдания такой жесткой политики. Сама по

---

¹⁰³ Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Прогресс, 1990.С.42.

себе партия большевиков, построенная по военному принципу, органично соответствовала тем задачам, которые возникли перед ней в условиях общенационального политического кризиса. Отстаивая с 1903 года принцип формирования партии как организации закрытой, с высоким уровнем дисциплины, В.И. Ленин к 1917 году имел партию, которая претендовала на власть, и задачей которой был захват этой власти любыми способами. Показателен тот факт, что именно партия большевиков поставила вопрос о власти раньше других партий. В Манифесте, который был выпущен в виде листовки 26 февраля 1917 г. и через два дня появился в форме Прибавления к №1 «Известий Петроградского Совета», большевики призывали рабочих и революционную армию создать «Временное Революционное Правительство», которое установило бы республику, провело демократические реформы, 8-ми часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель, образование выборных органов на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования, конфискацию и распределение запасов продовольствия.

Наряду с этим, нужно отметить, что по своему социальному составу партия большевиков в основном состояла не из интеллигенции, как скажем партия меньшевиков или эсеров, а из рабочих. «Отлив интеллигенции, начавшийся в 1906-1907 годах, привел к тому, что партийные работники, профессионалы и др. были рабочие. Интеллигенции было так мало, что ее едва хватало для обслуживания нужд думской фракции»¹⁰⁴ - пишет А. Шляпников в своих воспоминаниях. Это способствовало тому, что партийные дискуссии, разгоревшиеся после февраля, не привели к расколу партии, не возникло и почвы для острой фракционной борьбы, как в партии эсеров. Кроме того, это позволило В.И. Ленину в этих дискуссиях апеллировать к

---

¹⁰⁴ Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. М.: Республика, 1992. С.39.

рядовым членам партии, не столь умудренным в вопросах теории, и больше доверяющих своему «классовому чутью», тому изначальному пониманию новой власти, которое было основано именно на особенностях русского национального сознания.

Военизированная политическая организация в условиях войны притягивала к себе людей с соответствующим типом мышления, и за счет жесткой внутренней партийной дисциплины ее вожди, в частности В.И. Ленин, могли достаточно эффективно моделировать отношение народа, прежде всего пролетариата к политике партии. Внутренние партийные дискуссии практически не выливались на страницы партийной прессы. Благодаря этому, руководство партии могло очень быстро и эффективно менять политическую тактику и политические лозунги в ходе бурного 1917 года.

В этих условиях было бы наивно ожидать от подобной партии пацифистских настроений. Авторитарная партия была устремлена к авторитарному режиму власти и достижение цели - диктатуры пролетариата, виделось отнюдь не мирным способом.

2.2. Метаморфозы¹⁰⁵ русского национального сознания и их воздействие ход острого политического кризиса (на примере Февральской революции 1917 г.)

Как уже отмечалось выше, политическая ситуация в России на кануне 1917 г. была крайне нестабильной. Все слои общества были, в той или иной степени недовольны центральной властью. Возникли такие условия, при которых, как правило, социальные противоречия между отдельными слоями общества сглаживаются. В обществе формируется конфликт не в контексте социальных или этнических противоречий, а конфликт между обществом в целом и личностью, персонифицирующей власть. И хотя противоречия между соперничающими социальными группами сохраняются, они как бы отходят на второй план.

Начиная с 50-х годов нашего века, за рубежом не однократно проводились исследования по изучению взаимодействия соперничающих групп. Наиболее заметных результатов в этой области добились американские ученые Л. Дьяб,¹⁰⁶ М. Шериф,¹⁰⁷ М. Кемпбелл¹⁰⁸.

В ходе нескольких лет исследований Д. Кэмпбеллу удалось установить, что примирение между враждующими группировками наступает тогда, когда у обеих групп появляется «высшая» цель.

---

¹⁰⁵ Под метаморфозами национального сознания в данном случае подразумевается резкое изменение отношения человека к той или иной политической ситуации или политическому деятелю.

¹⁰⁶ Diab L. A study of intergroup and intergroup relations among experimentally produced small groups // Genetic psychology monographs. L.: ADF, 1970.

¹⁰⁷ Sherif M. Group conflict and cooperation: their social psychology. L.: 1966.

¹⁰⁸ Кэмпбелл Д. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979.

Наличие этой цели может очень значительно снизить, если не устранить совсем, враждебность между этими группами. Правда, когда опыты Д. Кэмпбелла попытался повторить Л. Дьяб, то он столкнулся с серьезными трудностями, которые возникли на религиозной почве внутри групп испытуемых. Тем самым было выявлено, что религиозный, идеологический аспект мировоззрения испытуемых может влиять на переформирование групп и создавать иную структуру взаимодействий.

Опыты, которые проводил Л. Дьяб на группах подростков в Ливане в целом подтвердили выводы Д. Кэмпбелла, но ему пришлось прекратить свои эксперименты, так как религиозные противоречия внутри групп, обострились настолько, что процесс становился не управляемым. Таким образом, новая «высшая» переменная, именно такая, которая обусловлена новым социокультурным контекстом, одновременно и акцентировала, и качественно видоизменила действия фоновых переменных, в качестве которых мыслились конкурентные цели, ведущие к соревновательной межгрупповой активности. В политической жизни именно влияние этих «высших» переменных и определяет ход политического процесса. Ограниченность опытов этих ученых как раз и проявилась в том, что они рассматривали соперничающие группы как усредненные модели, без учета этнических и религиозных элементов сознания, и потому вполне очевидно, что в чистом виде законы социальной психологии не могут объяснить ход политической жизни общества. Но в той ситуации, которую мы наблюдаем в России в начале 1917 г. очевидно, что эти переменные частично нивелируются и противоречия отходят на второй план.

К февралю 1917 г. в России сложилась ситуация, которую мог спровоцировать любой повод, но он должен отвечать одному условию, иметь позитивную моральную оценку со стороны общественности. Наличие высокой позитивной моральной оценки действий группы, выражающей протест, позволяет снять существовавшие противоречия,

так как формы морали в целом универсальны для всего общества. Тем более, если учесть важность моральной компоненты для русского национального сознания, то это обстоятельство может стать решающим для развития политических событий, что мы и можем наблюдать на примере февраля 1917 г. Начало революционным выступлениям положили акции протеста со стороны женщин в связи с трудностями снабжения Петербурга хлебом. Подобная форма протеста, первоначально не имея ярко выраженной политической цели, как правило, несет в себе высокую позитивную моральную оценку со стороны общества в целом. Любые оппозиционные политические взгляды и настроения находят себе место в контексте подобных выступлений. Подавление и разгон таких демонстраций возможен только при условии сильной центральной власти, способной заставить солдата или полицейского действовать вопреки моральным устоям, осуждающим акты насилия в отношении выступающих.

О тяжести ситуации с продовольствием можно судить по рапортам Петроградских приставов. Так в рапорте пристава 2 участка Выборгской части говорилось следующее: «Среди населяющей вверенной мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2-3 дня и больше, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости.»¹⁰⁹

Бесконечные очереди, слухи, один страшнее другого о том, что с продовольствием будет еще хуже, вызвали стихийные акции недовольства.

В политико-государственном плане отправной точкой развития событий стал созыв 14 февраля 1917 г, после почти годового перерыва,

---

¹⁰⁹ ЦГА РФ ф.1282 оп 1 1917 г.д.74 л.144

сессии Государственной Думы. Прежняя деятельность Думы в плане критики существующей власти, как самого монарха, так и императрицы в особенности, создавали благоприятный политический фон для начала движения. Последовавший через 2 недели Указ императора от 27 февраля о ее роспуске официально противопоставил в глазах общественности Государственную Думу царизму, тем самым, придав высокий уровень легитимности народному недовольству.

О стихийности происходивших событий говорит то, что ни Дума, ни существовавшие политические партии не планировали серьезных политических акций против правительства. Эти беспорядки воспринимались властями спокойно, почти обыденно, при этом монарх практически не ставился в известность о беспорядках.

Так в донесении охранного отделения говорилось следующего: «До 23 февраля никаких распоряжений по части усиления нарядов на улицах и в других местах не делалось. 23 февраля с раннего утра началась совершенно неожиданная для меня забастовка половины фабрик и заводов. Это движение застало нас врасплох - нарядов полицейских не было на улицах, и я вызвал части, всегда имевшиеся в моем распоряжении - конную полицию, жандармский дивизион и кавалерийские отряды.»¹¹⁰

События 23 февраля, когда в ряды демонстрантов влились подростки и женщины, стали началом революции. Естественно, что для стрельбы по женщинам и детям, необходимы специально подготовленные части. Таких частей в городе просто не было. В основном в частях были новобранцы, которые совсем недавно одели шинели.

Таким образом, мы можем наблюдать уникальное сочетание множества факторов, а именно: слабая реакция властей на возникшие выступления, слабая идеологическая подготовка войск, которые должны были принять участие в подавлении выступлений, участие в

---

¹¹⁰ ЦГА РФ ф. УСКОП 1. д.446 л.49

демонстрациях женщин и детей, общее состояние нервозности среди населения, вызванное слухами о возможности голода. Роспуск же оппозиционной Государственной Думы стал условием для законности выступления и полного морального краха царской власти. Сочетание всех этих условий и привело к лавинообразному нарастанию движения, вылилось в многотысячные демонстрации, главным лозунгом которых стал лозунг чисто политический – «Долой войну». При наличии всеобщего недовольства политикой существующей власти, подобные выступления способны объединить в своих рядах представителей любых движений, партий и политических течений. И хотя они ставят перед собой различные политические задачи, и добиваются различных политических целей, в подобном выступлении они могут оказаться вместе, так как появляется общая цель - свержение существующей политической власти. Правда, в данном случае необходимо учитывать, что речь идет, как правило, об отстранении от власти какого либо лица, или группы лиц, а не смены политической формы правления.

Если предыдущие факторы, о которых мы говорили выше, в основном ситуационные, за исключением нигилизма по отношению к царизму, то необходимо сразу же отметить, что на ход развития кризиса влияли и системные факторы. Они так же во многом определили глубину и своеобразие этого политического катаклизма. В данном случае мы говорим о той внутренней способности к самоорганизации, являющейся важной частью русского национального сознания и которая основывается на таком этническом архетипе как соборность. Благодаря особенностям русского национального мышления и опыту, который уже имелся по созданию органов самоуправления, в недрах этих выступлений возник самостоятельный независимый от каких бы то ни было прежних политических институтов, орган политической власти в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Проявление такого этнического архетипа русского национального сознания как соборность, позволило выйти за рамки просто политического кризиса и перевести его в кризис национальный. Мистическое отношение к власти позволяет русскому человеку достаточно легко отказаться от существующей формы власти, в данном случае царизма и создать новую. При этом внутреннее содержание отношения к политической власти как таковой не меняется. Подобная метаморфоза русского национального сознания затрагивает только внешнюю сторону, ту, которая в данном случае связана с личностью, но не затрагивает понимание власти как таковой. При этом правовой нигилизм, который также вытекает из специфической способности русского национального сознания рассматривать все события с позиций «морально - не морально» позволяет не задерживаться на правовой стороне вопроса, а решать его в соответствии с сиюминутным пониманием и отношением к происходящим событиям. Авторитаризм свойственный русскому национальному сознанию в качестве своего отражения порождает охлократию. Эти особенности русского национального сознания и позволили создать орган политической власти, который выражал именно морально-этический смысл движения, и был охлократическим по своему происхождению. В сущности, мы наблюдаем некий вариант вече, при котором процесс управления происходит путем прямых наказов группе выбранных лиц или одному лицу. Создание Советов во многом явилось показателем того насколько формы национального мышления регидны, и то насколько важное влияние оказывает комплекс этнических архетипов и этнических констант на политическую жизнь общества.

Начиная с 20-го февраля, рабочие на митингах стали выбирать представителей в Совет Рабочих депутатов, тем самым стихийным образом формируя этико-политический центр движения. Деятельность же политических партий, как левых так и правых, была сумбурна и

непоследовательна. Многие политические партии и организации скорее боялись этого взрыва народной энергии.

Как уже отмечалось выше, важнейшим фактором, который позволил свершиться революции, стало то, что между войсками и населением не было непримиримого противостояния. Как пишет Н. Суханов в своих «Записках о революции»,: «...стена между лагерями - населением и властью - не казалась такой непроницаемой: между ними чувствовалась диффузия. Это увеличивало возбуждение и вливало в массы подобие энтузиазма».¹¹¹

Эта «диффузия» позволила резко снизить уровень противоречий между отдельными социальными группами общества. Общество оказалось охвачено одной идеей, стремилось реализовать одну, единую цель - свергнуть ненавистный и полностью дискредитировавший себя «распутинско-николаевский» режим. Вместе с тем, грандиозность происходящего, стихийность, неопределенность вызывали противоречивые чувства современников. Так Н. Суханов пишет : «...на многих лицах недоумение и беспокойство переходили в опьянение.»¹¹²

Если попытаться дать обобщенную характеристику ситуации с 24 по 26 февраля 1917 г., то можно прийти к выводу, что в данном случае имелся стихийный процесс, который содержал в себе элементы массового психоза. Его возникновение произошло на почве угрозы голода и невозможности центральной власти противопоставить жесткую силовую альтернативу этим выступлениям. Как результат и как показатель того, что процесс имел стихийный характер и этнопсихологическую основу, стало формирование в ходе этих событий системы двоевластия. В.И. Ленин, анализируя ситуацию, охарактеризовал политическую сторону устранения межгрупповых противоречий между различными социальными слоями общества

---

¹¹¹ Суханов Н. Записки о революции. В 3-х т. М.: Политиздат, 1991. Т.1 С.57.

¹¹² Там же. С.77.

следующим образом: «...Слились вместе... совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкающих Милюкова и К. к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны. Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за свободу.»¹¹³

Другим показателем снижения межгрупповых противоречий являются те оборонческие настроения, которые проявились после февральской революции практически у всех политических партий, в том числе и у большевиков. На страницах «Правды» они требовали «приступа к миру». Но было ясно, что подобное единение не может продлиться долго. Большевик В. Б.Станкевич описывает это в своих воспоминаниях следующим образом: «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными бантами, ходили под красными знаменами. Дамы устраивали для солдат питательные пункты. Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа, и «наша» свобода, но в душе и в разговорах наедине - ужасались, содрогались и чувствовали себя пленными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем.»¹¹⁴ Автор очень точно характеризует временный характер снижения межгрупповых противоречий в отдельные моменты истории. В обществе не исчезают существовавшие ранее противоречия, и в условиях острой политической нестабильности, они непременно должны вспыхнуть с новой силой. Это понимали

---

¹¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, в 55-ти т., М.: Правда, 1971-1975. Т.3 С.16-17.

¹¹⁴ Станкевич. Б.В. Воспоминания 1914-1919. Л.: Прибой, 1926.С.33-34.

современники тех событий, что, как в дальнейшем показала история, и произошло в России.

В конечном итоге, вопрос о власти, который в начале событий решался практически стихийно, должен был встать со всей своей остротой и перед политическими партиями. На повестке дня стояла задача формирования нового революционного правительства. Поскольку деятели Государственной Думы в целом не противопоставили себя обществу в ходе февральских событий, то на фоне снижения межгрупповых противоречий формирование из их числа состава правительства произошло как бы само собой. Кроме того, представители левых партий по целому ряду причин в принципе не смогли этого сделать. Во-первых, - отсутствовали ведущие деятели этих партий, многие из которых были либо в эмиграции, либо в ссылке. Во-вторых, известность этих лидеров в широких кругах общественности была недостаточна. В-третьих, неясность политических задач революции, а в подобной ситуации решающую роль играют не партии, а харизма отдельных личностей.

Период февральской революции, характеризуется возникновением парадоксальной ситуации, когда в теоретическом плане леворадикальные партии исчерпали свои политические программы. Практически все партии, в том числе и большевики, определяли свершившуюся революцию как буржуазную. Но в соответствии с теорией К. Маркса, необходимо продолжительное время, для того чтобы состав населения в основной своей массе стал пролетарским, прежде чем можно будет ставить вопрос о социалистической революции. В контексте этого вопроса можно проследить целый ряд архетипов, которые активным образом формировали постфевральскую ситуацию. Такие архетипы как традиционализм и догматизм не позволяли сразу же ставить задачу о переходе к иной форме политической власти, к выработке новой идеологии, отвечающей изменившимся условиям. В

обществе с конформистскими формами мышления, даже заимствованные идеологические формы, а зачастую именно они в первую очередь и приобретают форму аксиом, которые не оспариваются и не подвергаются сомнению. Причем, отстаивание их происходит с очень интенсивной, почти религиозной горячностью. И, несмотря на то, что Л.Д. Троцкий еще в 1906 г. выдвинул идею перманентной революции, то, с каким напряжением В.И. Ленину пришлось отстаивать свою позицию о переходе буржуазно-демократической революции в социалистическую - несколько измененную идею Троцкого, ярчайшим образом подчеркивает особенности национального сознания, о которых говорилось выше.

Таким образом, Февральская революция 1917 г., будучи по своему характеру стихийной, привела к тому, что участники событий действовали, опираясь не на логические, рациональные установки, а под воздействием эмоциональных факторов. В подобных условиях психологический фактор становится решающим. Процесс формирования системы двоевластия, который происходил явочным порядком, причем не только для Петроградского Совета но и, как это не парадоксально, и для Временного правительства, всецело оказался в зависимости от этнополитических особенностей национального сознания. В течение очень короткого периода времени отношение различных слоев общества как друг другу, так и к политическим институтам, претерпели значительные метаморфозы. От полного единения и поддержки до непримиримой вражды и отрицания. Аналогичная метаморфоза произошла и по отношению к войне. При этом данные метаморфозы происходили на основе этнических архетипов и констант, которые никоим образом не изменялись, но, создавая различные конфигурации, оказывали влияние на ход политического процесса.

Одним из ярчайших примеров влияния национального сознания на ход политического процесса может служить тот конфликт, который

возник между В. И. Лениным и руководством партии большевиков по поводу содержания его Апрельских тезисов. Сама по себе ситуация имела психологический и этнополитический характер.

3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале В.И. Ленин обратился к участникам массовой демонстрации, которая состоялась по поводу возвращения из эмиграции его и его товарищей, со следующими словами: «Не нынче - завтра, каждый день - может разразиться крах всего европейского империализма. Русская революция, совершенная вами, положила ему начало и открыла новую эпоху. Да здравствует всемирная социалистическая революция».¹¹⁵

Полностью апрельские тезисы были изложены на собрании в Таврическом дворце, на котором присутствовали кроме большевиков, меньшевики и независимые социалисты. В ответ В.И. Ленин услышал следующее: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!», - а старый большевик, Ю.М. Гольденбург, прямо заявил, что, «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина!»¹¹⁶ В тот же вечер В.И. Ленин снова прочитал свои тезисы на собрании руководителей большевиков и снова оказался в полной изоляции.

Практически этими тезисами В.И. Ленин противопоставил себя тем теоретическим догмам, которое исповедовали русские марксисты. Одновременно с этим он абсолютно четко предъявил свою претензию на политическое и идеологическое лидерство.

Тезисы «О задачах пролетариата в данной революции» были опубликованы в «Правде» 7 апреля 1917 года. Наиболее важным теоретическим постулатом, обосновывавшим позицию В.И. Ленина можно считать второй тезис: «Своеобразие текущего момента в России

---

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, в 55-ти т., М.: Правда, 1971-1975. Т.С.68.

¹¹⁶ Суханов Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т.1 С.28.

состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточности и организованности пролетариата, - ко второму его этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства». ¹¹⁷ Осуществление этой цели В.И. Ленин связывал с завоеванием большевиками большинства в Советах, а потом и захватом государственной власти. «Не парламентская республика, возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад,- а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.» ¹¹⁸

На следующий день после опубликования тезисов, «Правда» поместила статью, написанную Л.Б. Каменевым. В которой подчеркивалось, что В.И. Ленин выразил только свое «личное мнение». Но если мы проанализируем этот спор с позиций национального сознания, то, увидим, что позиция В.И. Ленина гораздо ближе русскому национальному сознанию с ее коллективистской, уравнилельной этикой и правовым нигилизмом, чем позиция Л.Б. Каменева, направленная на эволюционное формирование новых политических институтов, сформированных на правовой основе. В определенном смысле эта ситуация похожа на конфликт между Б.Н. Ельциным и Съездом народных депутатов в 1993 г. Несмотря на формальную законность деятельности депутатов, общество поддержало Б.Н. Ельцина, при этом, ориентируясь скорее на эмоциональное, а не на логическое восприятие политической ситуации.

14 апреля 1917 г. В.И. Ленин вновь выступает со своими тезисами на Петроградской общегородской партийной конференции. До этого он уже успел изложить свои взгляды в статье, опубликованной в «Правде» и двух брошюрах. Эта конференция стала своеобразной репетицией перед Всероссийской партийной конференцией.

---

¹¹⁷ Правда. 7 апреля.1917.

¹¹⁸ Правда. 7 апреля.1917

Дискуссия здесь свелась к проблеме, следует ли партии, как предлагал В.И. Ленин, бороться за передачу власти Советам или, как считал Л.Б. Каменев, ограничиться «самым бдительным контролем» над Временным правительством со стороны Советов. Л.Б. Каменев решительно отвергал любые предложения, которые могли быть истолкованы как призыв к свержению правительства. В ходе решающего голосования предложение Л.Б. Каменева было отвергнуто большинством голосов. Да и трудно было бы ожидать другого решения от партии, которая изначально формировалась по военному образцу, и роль лидера в которой была исключительно велика.

Окончательно ситуация в пользу взглядов В.И. Ленина изменилась на Апрельской партийной конференции. После опубликования ноты П.Н. Милюкова от 18 апреля с обещаниями соблюдать обязательства, данные союзникам царским правительством, что фактически подтвердило возвращение Временного правительства на внешнеполитические позиции царизма, программа В.И. Ленина оказалась «пророческой», и рядовые члены партии стали воспринимать В.И. Ленина не только как лидера партии, но и как вождя. Содержание ноты не соответствовало пацифистским настроениям, которые начинали преобладать в обществе. Страна нуждалась в передышке, но эту передышку Временное правительство давать ему не собиралось. При этом, оно практически не скрывало экспансионистского характера войны, тем самым разрушая ее моральное оправдание.

Основные резолюции были приняты подавляющим большинством делегатов. Конференция констатировала, что приход к власти Временного правительства не изменил и не мог изменить империалистического характера участия России в войне, и приняла решение способствовать переходу всей государственной власти, по крайней мере, в нескольких воюющих странах в руки класса пролетариев и полупролетариев.

Таким образом, несмотря на противодействие, В.И. Ленину удалось утвердить свою точку зрения. Если несколько отстраниться от перипетий внутрипартийной борьбы, можно увидеть, что происходящий процесс и с социально-психологической точки зрения был совершенно обоснован. После устранения единого препятствия, которое стояло перед всеми группами общества, межгрупповые противоречия должны были обостриться. Но для этого обострения, необходимо было идеологическое обоснование. Практически, дискуссия, которую развернул В.И. Ленин, показала закономерное разобщение до этого сотрудничавших групп и переход от сотрудничества к противоборству.

В.И. Ленин выступил одним из инициаторов процесса обострения социального конфликта. Утверждая свою позицию, «поддержанную» нотой П.Н. Милюкова, он решил и другую важнейшую задачу, которая полностью соответствует особенностям русского национального сознания. Он приобрел харизму, которая для русского национального сознания всегда имеет очень большее значение. Тем самым, была разрешена проблема вождя, которая решается любой социальной группой борющейся за власть. Необходимо было утверждение лидера, вождя, власть которого имела бы под собой серьезное моральное оправдание и подкреплялась бы харизмой человека как волевого, так и дальновидного. И Владимир Ульянов-Ленин в полной мере обладал этими качествами. Можно по разному относиться к этому человеку, но то, что его образ соответствовал образу революционера-бессеребренника, человека беззаветно преданного идее революции создавало условия для формирования его харизмы. Обличение власти, объяснение ее интеллектуальной близорукости недостойными моральными качествами стало традицией в России со времен В. Г. Белинского и соответствовало сути русского национального сознания - все воспринимать через призму моральной оценки. Личность В.И. Ленина воспринималась членами партии, а вслед за ними и массами, как образец аскетизма и скромности

на фоне раскованной и разгульной жизни, присущей политической богеме. Скромность В.И. Ленина еще долго была образцом для официальной партийной этики. И.В. Сталин характеризовал эту черту, как «одну из самых сильных сторон В.И. Ленина, как нового вождя новых масс».¹¹⁹ Это, к сожалению, способствовало оправданию жестокости В.И. Ленина, его непримиримости по отношению к своим идеологическим противникам не только в его собственных глазах, но и в глазах своих соратников, и тем самым оправдывало новый стиль партийного руководства.

Энергичная деятельность В.И. Ленина, помогла партии большевиков оказаться готовой к обострению политической ситуации, вызванной деятельностью Временного правительства. Нота П.Н. Милюкова пришлась очень кстати, поскольку позволяла большевикам остаться в рамках основного лозунга Февральской революции «Долой войну» и тем самым сохранить моральное право в претензии на власть. При этом, она выводила до того скрытый конфликт в эпицентр общественной жизни. Межгрупповые противоречия, сглаженные февральскими событиями, приняли острый, более того, вооруженный характер.

В этом плане показательны то, что демонстрации, которые проходили до публикации в прессе ноты, носили в целом умеренный характер. Несмотря на то, что большевистские лозунги также присутствовали среди демонстрантов, эксцессов не было. Но с 3-го мая ситуация приобретала принципиально иной характер. По городу прошли демонстрации, в которых участвовали войска и рабочие подростки. Дальше процесс развития конфликта пошел с нарастающей силой. В ответ на большевистские демонстрации прошли многолюдные демонстрации сторонников Временного правительства, что в свою

---

¹¹⁹ Сталин И.В. Соч.Т.6. М.: Правда, 1946. С.55.

очередь стимулировало попытки большевиков начать вооруженную борьбу.

Анализируя эти события с позиций особенностей русского национального сознания, можно отметить действие ряда архетипов. Во-первых - это традиционализм мышления, как уже отмечалось выше. Во-вторых – максимализм. Процесс формирования кризиса, отличался динамичностью проявлений крайних форм утверждения политических амбиций. И П.Н. Миллюков, и В.И. Ленин в своих действиях исходили не из стремления к снижению межгрупповой борьбы, а ее обострения.

Наряду с названными этническими архетипами проявляются и два других, также взаимозависимых: соборность и личностное отношение к власти, и как его частное проявление - вождизм. Проведение и утверждение в ходе жесточайшей дискуссии В.И. Лениным своей точки зрения на перспективы революции, позволило ему подняться на самую высокую ступень в партийной иерархии - идеологического вождя партии. В этой острейшей внутривнутрипартийной борьбе, как в капле воды, отразилась и другая важная особенность национального мышления – не только вера, но и стремление к утверждению особой, исключительной миссии России. Определение для себя мессианской позиции давало большевикам оправдание необходимости насилия над своими же соотечественниками во имя великой цели – утверждения справедливости, «правды». И не только это. Мессианство, в подобном понимании, вело к разъединению общества, но не по национальному, и даже, в конечном счете, и не по социальному признаку, а раздел по новой идеологии, новому «вероисповеданию», что, в свою очередь, вело к появлению нового пророка несущего эту веру массам. В конечном итоге, подобное соответствие идей большевизма основным компонентам национального сознания в значительной мере предопределило то, что большевики стали крупнейшей политической силой на авансцене Российской истории.

Система двоевластия заключала в себе основу для политических кризисов, но можно ли в полной мере определить двоевластие как ситуацию борьбы политических контрагентов? Если исходить из того классического анализа политической ситуации который был сделан В.И. Лениным, обозначившим Временное правительство и Петроградский Совет как два центра власти, то, несомненно, да. Но мы уже выяснили, что эта точка зрения была в значительной степени субъективна. Согласно ленинскому анализу Временное правительство было правительством буржуазии. Советы же, в свою очередь, представляли собой зачатки диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. И то, и другое политическое образование обладало как законодательными, так и исполнительными функциями. Именно это обстоятельство и послужило основой для ленинского вывода о том, что «буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена», даже если не все демократические реформы проведены в жизнь.¹²⁰ Специфическая особенность ситуации заключалась в «переплетении» буржуазной власти Временного правительства и революционной диктатуры Советов. Вследствие этого, считал Ленин, им предстоит борьба за влияние на крестьянские массы.

Реальность заключалась в том, что перед В.И. Лениным стояла вполне конкретная задача – идеологически обосновать условия раскола общества. Но реальность ситуации состояла в том, что и идеологически, и по своему составу, да и по своим действиям Петроградский Совет рабочих и Солдатских депутатов не стремился к конфронтации с Временным правительством. Ситуация была больше похожа на политическую борьбу между парламентом - в данном случае в этой роли выступает Совет, и правительством. Таковой ситуация

---

¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, в 55-ти т., М.: Правда, 1971-1975. Т. 8 С.46.

оставалась практически до августа 1917 г., пока Временное правительство обладало реальными властными возможностями.

Практически с первых дней революции между этими политическими образованиями шел интенсивный и достаточно действенный диалог. Даже наиболее одиозный, и по мнению кадетов, разрушительный «Приказ №1», противоречивший линии кадетов на продолжение войны и соответственно сохранение армии в прежнем виде, не стал яблоком раздора между Временным правительством и Советом, и был практически санкционирован Временным правительством. Вся их дальнейшая деятельность - это взаимная череда уступок и согласований. Причем, несмотря на то, что в ходе политических кризисов состав правительства менялся, политический курс на продолжение войны и созыв Учредительного собрания в целом оставался неизменным. Фигура А. Ф. Керенского стала своеобразной связующей нитью, как бы стержнем, вокруг которого эволюционировало правительство. Для этого были соответственно как политические, так и идеологические предпосылки.

Основной психологической предпосылкой возникновения системы двоевластия стало снижение межгрупповых противоречий, о котором мы уже достаточно подробно говорили ранее. Государственная Дума накануне революции была в открытой оппозиции к царскому правительству, и благодаря этому сохранила моральную обоснованность своей претензии на власть в широких слоях населения. И, несмотря на то, что депутаты Государственной Думы не стремились возглавить революцию, они реально заняли это место. Та легкость, с которой войска переходили на сторону восставшего народа вполне объяснима тем, что они поддерживали одну из законных ветвей власти, и тем самым, отчасти, действия толпы носили почти законный характер. Общество было едино в стремлении отринуть отжившую, не функционирующую структуру, но не разрушить саму государственную

машину. Олицетворением частично функционирующей государственной машины и была Государственная Дума.

Специфика российской политической жизни заключалась в том, что у России был совсем свежий опыт революции, которая породила самостоятельные политические формы самоорганизации населения в лице Советов. И если в ходе революций в странах Западной Европы радикальные слои населения стремились сформировать свое представительство в правительстве, то в России политический процесс шел в соответствии с особенностями русского национального сознания. Население с легкостью и энтузиазмом занялось политическим творчеством, в соответствии со своими национальными представлениями. В результате этого возникли Советы, которые, по сути, были своеобразным вече, традиционной формой прямой демократии, которую мы часто встречаем в русской истории.

Советы, соответствовали такому этническому архетипу как соборность. В то же время, в деятельности Петроградского Совета проявился и такой архетип как отчуждение от власти. В целом же, мистическое отношение к государственной власти, отрицание ее формального аспекта и утверждение, прежде всего морального аспекта, соответствовало сути русского национального сознания.

« Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»¹²¹ – писал В.И. Ленин по поводу возникновения Советов еще в 1905г. Власть не как форма организации общества, а как форма выражения морального смысла.

Но, если в начале революции между Петроградским Советом и Временным правительством имелись противоречия, то к маю, вследствие

---

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, в 55-ти т., М.: Правда, 1971-1975. Т. 12. С.317.

вышеперечисленных условий, Временное правительство и Совет выступают уже как единое целое. Петроградский Совет был «удовлетворен разъяснениями», данными ему Временным правительством по поводу ноты Милюкова. Резолюция Исполнительного комитета признавала ноту от 18 апреля не противоречащей интересам и требованиям революционной демократии.

Как докладывал английский посол своему правительству, Г.Е. Львов, А.Ф. Керенский и М.И. Терещенко расценивали Совет как серьезный фактор революции, а единственно возможным путем ликвидации двоевластия - образование коалиции. Что и было в последующем сделано.

На совместном заседании Временного правительства и исполнительного комитета, проходившего 21 апреля, был практически решен вопрос о переходе власти в руки коалиции, которая изначально стояла на единых позициях по ключевым политическим вопросам. Разногласия сохранялись по аграрному вопросу, решение которого было отложено до созыва Учредительного Собрания. Переход правительства под контроль умеренных политических партий создавал возможность утверждения в России демократической формы политической жизни общества. На этой основе можно было осуществить политику национального примирения и согласия. Но, возможность не была реализована.

Серьезным препятствием стал развал государственного аппарата управления. 5-го марта глава правительства, князь Г.Е. Львов разослал по телеграфу циркулярное распоряжение Временного правительства, в соответствии с которым устранялись должности генерал-губернаторов и вице-губернаторов, и их полномочия передавались председателям губернских земских управ – в статусе правительственных комиссаров.

Но комиссары правительства так и не стали достойной заменой губернаторам, поскольку они не имели в своих руках реальной

административной власти. Более того, в некоторых губерниях и уездах их по началу вообще не было, к тому же процесс их смены происходил очень быстро и зачастую самовольно. К концу апреля комиссаров назначенных из числа председателей управ, было менее половины от общего числа. 26 апреля правительство постановило назначать комиссаров по согласованию с комитетами общественных организаций. Сами же комиссары на своем совещании в Петрограде констатировали, что их власть на местах без опоры на советы была «равна нулю». Газета эсеров «Дело народа» писала так: «Местной власти нет: одни органы разрушены, другие нежизнеспособны, а главное - лишены всякого авторитета в глазах населения».¹²² Временное правительство поставило политическую ситуацию в регионах в зависимость от политических убеждений местных лидеров, при том, что эти убеждения были весьма разнообразны. Кроме того, отсутствие исполнительной и законодательной власти на местах исключало возможность какого либо политического баланса.

Таким образом, вместо борьбы за влияние на уже существовавшие политические институты, происходил процесс политического творчества революционных сил. Реакцией на утрату властных функций центром, стало появление по всей стране «советов», «общественных комитетов» и т.д. и т.п. Г.Е. Львов усмотрел в них в свою очередь основы будущего самоуправления и объявил правительственных комиссаров не последней инстанцией, а как бы посредниками между центральной властью и этими органами. На деле же власть на местах оказалась практически парализована. И остановить процесс разрушения государственной системы управления оказалось уже невозможно. И, если в начале революции было стремление свергнуть царизм, но не было стремления разрушить государственный аппарат, то Временное правительство само

---

¹²² Дело народа. 31 марта 1917.

его разрушило. Разрушение государственного аппарата и стало условием прихода к власти радикальных и экстремистских элементов.

Хотелось бы остановиться на фигуре председателя Временного правительства князе Г.Е. Львове. Данная политическая фигура интересна в контексте нашего исследования тем, что, в деятельности князя Г.Е. Львова, как никакого другого политического деятеля, проявились особенности сознания русской нации. П.Н. Милюков в своих воспоминаниях пишет о нем следующее: «Нам нужна была, во что бы то ни стало, сильная власть. Этой власти князь Г.Е. Львов с собой не принес. В себе, как и в русском народе, по словам его биографа, он «ощущал как хорошее и желанное... смиренность, миротворчество, доброту, терпеливое несение креста». Он «...не умел и не хотел различать в народной толпе сподвижников Пугачева и Стеньки Разина. Зависть, злоба, жестокость, дикость, склонность к анархии и бунтарству оставались для него почти незамеченными, эти свойства скользили по его вниманию».¹²³ Будучи истинным представителем русской интеллигенции, он находился под властью тех мифов о русском народе, которые исповедовали народники, которые проповедовал граф Л.Н. Толстой. Идеализируя образ народа, он пытался искать в нем опору, тогда как в сложившихся условиях народ проявлял как раз не лучшие свои качества.

Иррациональное мироощущение, традиционно мистическое отношение к государственной власти, объясняло позицию Г.Е. Львова, считавшего, что государственное устройство страны снизу доверху может быть определено в явочном порядке самим народом. А так как народ русский добросердечен и миролюбив, то устройство это может привести, само собой, к всеобщей пользе. В одном из своих интервью Львов говорил следующее: «Назначать никого правительство не будет... Это - вопрос старой психологии. Такие вопросы должны решаться не в

---

¹²³ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С.474.

центре, а самим населением... Пусть на местах сами выберут... Мы все бесконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь народа - не для народа, а вместе с народом... Народ выявил в эти исторические дни свой гений!»¹²⁴

В результате вся полиция оказалась совершенно дезорганизованной. Вера в то, что все само собой образуется вела к утверждению точки зрения, что порядок обеспечит щедро оплачиваемая милиция, в которую зачастую записывались и профессиональные воры и откровенные бандиты. Поход против городских в конечном итоге привел к тому, что аппарат, поддерживающий общественный порядок и еще хоть как то работавший, был разбит вдребезги.

Такая же ситуация сложилась и в центральном аппарате управления, поскольку не имея возможности активно воздействовать на обстановку на местах, он был обречен на изоляцию и беспомощность. К тому же государственные органы подверглись значительной чистке, что не могло не сказаться на их работоспособности. Министерства создавали многочисленные комиссии и совещания, которые не смогли восполнить нормальную работу центральной власти. А.И. Гучков 4 мая по поводу своей отставки заявил: «Я ушел от власти, потому, что ее просто не было.»¹²⁵

Слабость правительственной позиции в преобразовании системы власти и в деле государственного устройства объяснялась все той же причиной - она базировалась на национальном сознании и соответственно на этнической мифологии, а не на существующих политических реалиях. Жертвами идеализации русского народа, стали очень многие представители русской интеллигенции, вылив в последующем горечь своего разочарования на страницах сборника «Из глубины».

---

¹²⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С.480.

¹²⁵ Боханов А.П. А.И. Гучков //Россия на рубеже веков. М.:Наука, 1991.С. 76

Идеализация русского народа, отношение к нему как к самодостаточной мистической, трудно объяснимой сущности, и наряду с этим способной, к самоорганизации, привело к углублению политического кризиса. Русское политическое миропонимание, в свое время, выраженное М. Бакуниным в идеях анархизма, проявилось в данном случае в безуспешных попытках создать политическую систему без ясного понимания ее функциональных звеньев, конкретных задач и конечной цели.

«Я верю в великое сердце русского народа, преисполненное любовью к ближнему, верю в этот первоисточник правды, истинны и свободы. В нем раскроется вся полнота его славы, и все прочее приложится». ¹²⁶ - говорил Г.Е. Львов в одном из своих интервью. Ожидания не оправдались. Неспособность создать демократические институты в 1917 г. обернулось в последующие годы жесточайшим террором и тоталитаризмом.

Видным политическим деятелем Временного правительства был П.Н. Милюков. Если с деятельностью главы правительства князя Г.Е. Львова связан, прежде всего, развал государственного аппарата, то с деятельностью П.Н. Милюкова связан процесс радикализации общества на почве борьбы по вопросу о войне.

Ключевой вопрос революции - вопрос о войне и мире - оказался в руках человека, умевшего твердо отстаивать свои убеждения. Рассматривая вопрос о войне только через призму морального долга и ответственности, то есть по-русски, П.Н. Милюков понимал, что продолжение войны лишь усугубляет политический кризис в обществе. Но заключение сепаратного мира представлялись ему еще большим злом, чем революция. Те оборонческие настроения, которые имелись в Петроградских политических кругах, давали ему надежду на то, что войну можно продолжать, и победа в ней возможна, или точнее -

---

¹²⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С.475.

возможно заключение выгодного для России мира. Но мнения и настроения столичной интеллигенции и мнения солдат, которые уже третий год проводили в окопах, не совпадали. Для того, чтобы продолжать войну, центральная власть должна была иметь очень высокий уровень моральной претензии на власть. Но этого капитала у Временного правительства не было. И нет нечего удивительного в том, что заявление министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова 18 апреля 1917 державам Антанты о готовности Временного правительства вести войну «до решающей победы», была воспринята как вызов практически всеми левыми партиями. Можно было много говорить о защите революции, но говорить о продолжении войны на тех же идейных позициях, на которых ее вело царское правительство, было бессмысленно. В данном случае фактор национального сознания оказался решающим. В условиях острого социального конфликта человек всегда поставлен в условия выбора между насилием и другим насилием. И для того, чтобы сделать свой выбор, он должен иметь его моральное обоснование. Более того, моральный аспект выбора часто преобладает над идеологическим, поскольку рамки той или иной идеологии очень часто оказываются тесными, как например, во время Крондштатского мятежа, когда идеология коммунизма уступила место идее социальной правды.

Начало лета 1917 года стало тем периодом, когда назревавший гражданский конфликт перешел в открытую форму. Это было время, когда в Петрограде работало множество различных съездов и конференции. На Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае большинство составляли эсеры, и съезд твердо проголосовал за поддержку Временного правительства. Однако, Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, состоявшаяся в конце того же месяца, стала первым представительным органом, где преобладали большевики, что во многом предвосхитило последующие

события. В начале июня состоялся 1 Всероссийский съезд Советов. Среди 822 делегатов с правом решающего голоса насчитывалось 285 эсеров, 248 меньшевиков и 105 большевиков. Почти 150 делегатов принадлежали к различным мелким группировкам, 45 делегатов заявили, что они не принадлежат ни к одной партии. Лидеры большевиков присутствовали в полном составе.

Именно здесь на заявление И.Г. Церетели: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. В.И. Ленин с места заявил: «Есть.»

Это заявление В.И. Ленина не было воспринято серьезно. Съезд постановил выразить вотум доверия Временному правительству и отверг резолюцию большевиков, которая требовала перехода всей государственной власти в руки Всероссийского Совета Р.С. и Кр. Д.

Заявление В.И. Ленина о готовности большевиков взять власть в свои руки было фактическим объявлением войны Временному правительству. Военная организация большевиков задумала провести демонстрацию 10 июня, как акцию массового протеста наступления на фронте.

Революционные настроения активных частей Петроградского гарнизона были подвергнуты испытаниям 4 июня. Несколько сот крондштадских моряков во главе с большевиками вышли на демонстрацию на Марсово поле якобы почтить память павших героев Февральской революции. Военная организация большевиков рассматривала эту акцию как генеральную репетицию своей собственной демонстрации. В итоге было принято решение провести 9 июня заседание с участием Центрального Комитета, Петербургского комитета, Военной организации, а так же представителей полков, профсоюзов и промышленных предприятий, для принятия окончательного решения относительно массовой демонстрации.

Интересно отметить, что, судя по имеющимся данным, Выборгский районный комитет и некоторые группировки Военной организации надеялись, что демонстрация перерастет в решительное сражение. На собрании в Выборгском районе представители 1-го пулеметного полка, Московского и 1-го пехотного запасного полков дружно заявили, что не выйдут на демонстрацию без оружия. Даже заводские представители заявили о желании захватить с собой имеющееся у них оружие.

Если рассматривать ситуацию с июньской демонстрацией с позиции социальной психологии, то можно сделать вывод о том, что она стала как бы финалом того процесса обострения межгруппового противоборства, который подспудно начался уже с марта и окончательно проявился в июне. В те дни он еще не принял форму открытого вооруженного конфликта, но, по высказываниям современников, никто уже не питал иллюзий, что это не произойдет, и события 2 июля стали наглядным тому подтверждением.

В июньские дни большевики противопоставили себя и Петроградскому Совету, и Временному правительству, и это противопоставление стало основным стержнем дальнейшего развития революционного процесса. Таким образом, события середины июня 1917 года как бы выводят на поверхность скрытый до этого времени процесс обострения межгрупповых противоречий.

После несостоявшейся июньской демонстрации всем стало ясно, что назревает вооруженный конфликт, в основе которого лежат уже не противоречия между обществом и властью, как это было в феврале, а противоречия между отдельными слоями общества. Тот социальный конфликт, который был частью единого движения народа против царизма в феврале, после устранения ненавистной формы власти стал ключевым в политической жизни страны и привел в конечном итоге к жесточайшему гражданскому конфликту.

Выводы. Таким образом, накануне Февральской революции 1917г. сложилась ситуация острого политического кризиса. Множество факторов, в том числе таких как: комплекс вины интеллигенции перед народом, нигилизм по отношению к личности царя и I мировая война, стали катализаторами мощного политического катаклизма. В подобных условиях личности сложно рационально определить своё отношение к той или иной политической партии и она начинает больше полагаться на свою интуицию, на тот культурологический опыт, который воспринимается в процессе социализации. В условиях такого политического цейтнота роль национального сознания, его констант и архетипов несоизмеримо возрастает. Когда политические события развиваются стихийно, политическое поведение человека опирается на традиционные базовые ценности, на этнические архетипы, которые являются неотъемлемой частью русского национального сознания, и на основе которых он принимает решения. Кроме того, I мировая война не только обострила социально-экономические противоречия в обществе, но и спровоцировала рост авторитаризма в сознании русской нации. Крестьяне и рабочие, призванные в армию и испытавшие все тяжести затяжной и кровавой войны формировали свое отношение к окружающей политической действительности в контексте политического насилия. Они были психологически подготовлены войной к насильственному решению социального конфликта, который разразился в обществе. Большинство политических партий того периода, так же стремились разрешить политический конфликт через насилие. В подобных условиях национальное сознание может претерпевать неожиданные метаморфозы.

Так, даже решение такого сложного вопроса как, государственное строительство, оказалось в зависимости от этнических мифов, в которые верили многие политические деятели, и в частности глава Временного правительства князь Г.Е. Львов, полагавшего, что добросердечная душа русского народа сама сможет все правильно устроить. Эти заблуждения

привели к метаморфозе стиля управления органов государственной власти от жесткого авторитаризма, который проводило царское правительство, к практически вседозволенности Временного правительства. Но эта ситуация не противоречит сущности русского национального сознания, а является его естественным проявлением. Подтверждение этому стало то, что на фоне этой политической свободы и вседозволенности к власти пришла авторитарная, радикальная партия большевиков и прежняя система взаимоотношения власти и общества была восстановлена.

Другим примером метаморфозы русского национального сознания может служить неожиданное активное участие в политике самых широких масс общества, политическое творчество которых вылилось в создание по всей стране Советов Солдатских и Рабочих депутатов, а так же самых разнообразных комитетов, комиссий и тому подобных политических образований. При этом, если раньше широкие слои населения не стремились участвовать в государственном строительстве и управлении, то теперь политическая деятельность стала повсеместным занятием и население путем прямой формы демократии активно принимало участие в политике. Но и этот период политической активности так же довольно быстро сменился на прежнее отчуждение от возможности влиять на действия власти после того как в стране установилась диктатура большевиков и деятельность институтов гражданского общества была свернута.

Таким образом, те метаморфозы русского национального сознания, которые наблюдались в первой половине 1917 года, непосредственно вызваны особенностями функционирования национального сознания, как сложной многоуровневой системы, которая в условиях острого политического кризиса способна реагировать контрастно, быстро переходя от одной формы реакции, к диаметрально противоположной.

Заключение.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что русское национальное сознание представляет собой сложную, многоуровневую систему, которая формировалась на протяжении всей тысячелетней истории страны. Фундаментом этой системы являются этнические константы, представляющие собой миропонимание и стратегию выживания нации, которые практически неизменны. Следующим уровнем этой системы являются этнические архетипы. Их влияние осуществляется при помощи культурной темы народа, которая зависит от вероисповедания и для русского этноса определяется как «моральное оправдание поступка». Следующим уровнем этой системы являются - социально-политические стереотипы, которые могут изменяться за относительно небольшие периоды времени. Наряду с этим существует комплекс сложных устойчивых образований, которые мы определяем как русские этнические мифологемы, позволяющие в упрощенной, зачастую фольклорной форме транслировать действие этнических констант и архетипов. Все эти элементы русского национального сознания постоянно влияют на ход политического процесса. В особенности роль национального сознания возрастает в условиях острого политического кризиса.

Когда власть не способна предложить адекватные способы разрешения возникающих межгрупповых противоречий, когда она административно и идеологически парализована, общество, само начинает продуцировать политические модели и формировать политические институты. В этих условиях в национальном сознании могут происходить значительные метаморфозы, но они не влияют на сущность национального сознания как такового. Просто различное сочетание отдельных элементов сознания позволяет личности и обществу

в целом по разному реагировать на изменение политической ситуации. Процесс этих метаморфоз не является спонтанным, как это может показаться на первый взгляд. Он имеет глубокие национальные корни. Личность в условиях острого кризиса, когда прежние политические институты оказываются неэффективными, стремится найти опору в национальных традициях, и начинает выстраивать политическую жизнь в соответствии с этими традициями. Нормы морали и нормы общежития, традиционные для того или иного этноса, становятся ориентирами для формирования новых институтов власти, и как сама система их формирования, так и система их функционирования, несмотря на всю кажущуюся «новизну», являются глубоко традиционными и национальными. В особенности, эта ситуация характерна для кризисов такого глубинного масштаба как революция, когда большая масса людей, которые зачастую помимо их воли вовлечена в политическую деятельность, начинает подавлять и поглощать системой традиционных взглядов текущую политическую жизнь. Возникает ситуация охлократического правления, при которой, политический истеблишмент либо сознательно, либо вынужденно начинает апеллировать к максимально простым, понятным неискушенному в политических и административных вопросах «большинству». Это приводит к еще большей дестабилизации политической ситуации, а соответственно, к еще большей радикализации. Все эти процессы очень наглядно проявились в ходе бурных событий 1917 года. Спонтанность, динамизм Февральской революции 1917г., которые были вызваны, прежде всего, I мировой войной, создавали условия для возникновения метаморфоз в национальном сознании нации. Именно, благодаря этому глобальному катаклизму, социальные противоречия в обществе приобрели столь острый характер и привели к столь тяжелым историческим последствиям.

Крупномасштабная конвергенция различных слоев общества, вызванная мобилизацией населения, разорение и обнищание основной

массы населения в ходе войны, сам характер войны затяжной и кровопролитный - все это стало той почвой, на которой охлократические тенденции приняли столь бурный и разрушительный характер. Общество, поставленное в тяжелейшие условия, искало и нашло причину всех своих бед в личности царя.

Царизм, несмотря на значительное реформирование государства, накануне войны не смог приобрести образ необходимой политической силы для развития русской государственности. Отсутствие взаимодействия между интеллигенцией и властью привело к еще большему углублению кризиса. Центральная власть не смогла обеспечить главного идеологического условия, которое основывается на особенностях русского национального сознания, она не смогла обеспечить свое моральное оправдание права на власть, а отсутствие этого условия делало ее уязвимой для антиправительственной пропаганды.

Практически все слои общества оказались недовольны царизмом накануне революции. Одни - из-за тягот войны, другие - из-за аморализма, который царил вокруг царской семьи в лице Григория Распутина, третьи - в виду угрозы своим экономическим амбициям в случае подписания сепаратного мира, четвертые - в виду бессмысленности войны и тем позором, которым бы покрыла себя Россия, заключи она сепаратный мир с Германией, и т.д. Изолированность царизма от общества в конечном итоге и привела к его столь легкому и бескровному свержению. Перед обществом оказалось препятствие, в котором оно видело причины всех бед России. Общество оказалось едино в своем нигилизме по отношению к царизму и благодаря этому единству смогло устранить это препятствие.

Чем была вызвана демократическая обстановка 1917 г.? Во многом, стихийно сложившейся системой двоевластия. Но это метаморфоза в национальном сознании не показатель возможного демократизма, а как

раз наоборот, отсутствие легитимного отношения к власти значительной части общества. Лидеры Государственной Думы не собирались осуществлять революцию, а уж тем более ее возглавлять. Но, находясь в открытой оппозиции к царскому правительству, они создали условия, при которых часть населения, обладавшая высоким правовым сознанием, могла опереться на легитимность Государственной Думы, в борьбе с царизмом. Тогда как те слои населения, которые имели низкий уровень правового сознания, нашли воплощение своих политических настроений в формировании Петроградского Совета. Эта противоречивая ситуация в совокупности с острым динамизмом развития политического кризиса и вызвала целый ряд неожиданных метаморфоз в национальном сознании.

Острые социальные противоречия как бы отошли на второй план на первых этапах революции. Но ни Временное правительство, ни умеренные социалистические партии не смогли воспользоваться шансом построить демократическое общество, который предоставила им история. Временная пауза, образовавшаяся после Февральской революции, смягчение межгрупповых противоречий, не была использована для снижения уровня социального противостояния в обществе.

Практически уже с середины марта действия Временного правительства и буржуазная пресса начинают обострять ситуацию по вопросу о войне, основном источнике всех социальных проблем. Умеренные социалистические партии и лидеры Петроградского Совета, составлявшие практически одно правительство с Временным правительством, в конечном итоге оказались на позициях продолжения войны и противопоставили себя основной массе населения страны. При этом они принимали решения, ведущие к полному разрушению государственного аппарата Российской империи, лишая общество какой либо управляемости. Во многом на принятие этих решений влияли особенности русского национального сознания. Приказ №1

Петроградского Совета о выборах офицеров, который полностью деморализовал армию и директивы князя Г.В. Львова об отмене института генерал-губернаторства и передачи управления местным выборным органам, приведшие к тотальному сепаратизму и полному параличу власти.

За очень небольшой период времени национальное сознание пережило метаморфозы от охлократического демократизма, до жесточайшей диктатуры. Практически уже с августа прямо и однозначно стоит вопрос о диктатуре. «Опереточной» диктатуре А.Ф. Керенского, военной диктатуре Л.Г. Корнилова или политической диктатуре большевиков, но в любом случае о диктатуре.

Таким образом, на примере такого сложного и противоречивого периода истории как Февральская буржуазная революция можно достаточно отчетливо проследить, как русское национальное сознание влияет на ход политического кризиса, какова его роль в политическом процессе в целом. Возникает возможность определить русское национальное сознание не как фоновый фактор, который оказывает только косвенное влияние на политическую жизнь общества, а как один из важнейших факторов, который способен оказать самое непосредственное влияние на самые различные аспекты политической жизни общества - от специфики деятельности отдельных политиков до государственного строительства, и от формирования идеологических платформ политических партий до стихийного политического творчества широких народных масс.

В настоящее время вопрос о роли русского национального сознания в политической жизни общества осознается как один из важнейших, но исследования в этом направлении только разворачиваются. Имеется огромный круг проблем, как по уточнению структуры русского национального сознания, как социального феномена, так и отдельных его элементов. В условиях реформирования современной политической

системы, так же очень важно определить в какой мере структура русского национального сознания соответствует возможности развития демократических институтов, и при каких условиях оно может входить в противоречие с проводимыми реформами. Не менее сложными и актуальными видятся проблемы взаимодействия различных этнических систем в условиях многонационального государства, каковым является Российская Федерация. В особенности это касается соотношения специфики политических систем в национальных автономиях и их унификации по отношению к политической системе Российского государства в целом. Отдельный круг вопросов связан с межэтническими конфликтами, в которых фактор национального сознания и фактор стереотипного восприятия одной национальной группы другой, оказывает серьезное деструктивное воздействие.

Основные практические рекомендации автора предполагают, что те особенности русского национального сознания и неожиданные, на первый взгляд, его метаморфозы, которые мы можем наблюдать в ходе политического кризиса 1917 г. не являются случайным стечением обстоятельств. Они имеют глубокую этнопсихологическую и этнополитическую основу. Так как данные механизмы ригидные, то и в настоящее время они продолжают функционировать в полной мере и потому должны учитываться в процессе внешнеполитической деятельности, государственного строительства, в деятельности политических партий и политических деятелей. В области образования и антитеррористической деятельности:

а) система межгосударственных отношений;

- необходимо учитывать особенности национального сознания при формировании системы внешнеполитических отношений, это имеет большое значение для улучшения взаимопонимания между народами и для более плодотворного сотрудничества;

- очень важно учитывать особенности национального сознания при формировании системы межэтнического взаимодействия на приграничных территориях, так как в данных территориях взаимодействие происходит на бытовом уровне и отсутствие взаимопонимания между различными этническими группами чревато возникновением серьезных конфликтов.

б) государственное строительство;

- важно учитывать особенности национального сознания при проведении реформы государственного аппарата, так как его функционирование имеет свою национальную, этническую традицию;

- важно учитывать особенности национального сознания при проведении политической реформы, в особенности в территориях со смешанным, в этническом плане, населением;

- очень важно учитывать особенности национального сознания при формировании системы межэтнических отношений;

- трудно переоценить важность учета особенностей национального сознания при организации политических институций национальных автономий.

в) политическим партиям;

- необходимо формировать программы политических партий с учетом особенностей национального сознания и его возможных метаморфоз;

- важно формировать имидж политических партий с учетом особенностей национального сознания и его возможных метаморфоз;

- необходимо учитывать особенности национального сознания и его метаморфоз при партийном строительстве и работе с общественными организациями;

- необходимо учитывать возможные метаморфозы национального сознания при проведении таких важных политических мероприятий как выборы и референдумы.

г) политическим деятелям;

- формирование образа политика необходимо коррелировать с учетом особенностей национального сознания и его возможных метаморфоз;

- важно учитывать особенности национального сознания и его метаморфоз в процессе законотворческой деятельности, в особенности тех аспектов, которые непосредственным образом связаны с межэтническими отношениями.

д) борьба с терроризмом;

- так как в настоящее время терроризм находит основу для своей деятельности на межнациональных и межконфессиональных противоречиях, то учет особенностей национального сознания при формировании идеологической системы противодействия терроризму, является важной составляющей этой работы.

е) образование;

- учет особенностей национального сознания, имеет важное значение для проведения гражданского и патриотического воспитания.

Литература.

1. ЦГА РФ ф. УСК.оп.1
2. ЦГА РФ ф. ДПОО 1917
3. ЦГИА РФ ф.1282 оп.1
4. Дело народа 31 марта 1917.
5. Правда 15 марта 1917.
6. Правда 7 апреля 1917.
7. Правда 13 июня 1917.
8. Новая жизнь.23 апреля 1917.
9. Архив Русской Революции, т. 6, А. Блок. Последние дни Старого Режима. Берлин. 1922. -340с.
10. Красный архив.1927 г.-№2- 146с.
11. Падение царского режима: 4т. М.Л.1924-1926. – 560с.
12. Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. / Отв. ред. Л.С.Гапоненко. - М.: 1957.-480с.
13. Стенографический отчет. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия 5.Стб.1640-42 Пг. Б.г. -460с.
15. Авдеев Н. А. Революция 1917 года. Хроника событий. - М.: Рабочий, Т. 1. 1923. -260с.
16. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1983.-144с.
17. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие, социально психологические проблемы. - М.: МГУ, 1990. -238с.
18. Агеев В.С., Андреева Г.М. Специфика подхода к исследованию перцептивных процессов в социальной психологии //Межличностное восприятие в группе. - М.: Изд-во МГУ, 1981. -280с.

19. Агеев В.С., Солодовников И.В. Эффект внутригруппового фаворитизма в лабораторных и естественных условиях // Вестник Моск. ун-та. - Сер.14, (Психология) 21984.-№4.- 12с.
20. Агеев В.С., Сыродеева А.А. Интегративные процессы в межгрупповом взаимодействии // Вестн. Моск. ун-та. - Сер.14 - 1987. - №2.- 10с.
21. Аверкиева. Франц Боас // Институт этнографии. Краткие сообщения. – М.: 1946. Вып.1. – 14с.
22. Аксаков К. С. Соч. т.1 - М.: Мысль, 1989. -340с.
23. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.: Наука. 1979. -219с.
24. Андреева Г.М., Богомоллова Н. Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. - М.: Наука. 1978.-420с.
25. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996. - 340с.
26. Антонио Руби. Ельциниада. Первое десятилетие постсоветской России. -М.: Международные отношения. 2004. -477с.
27. Бахарева Н.В. Социально-психологическое изучение национальных особенностей // Социальная психология. -Л., ЛГУ, 1979. - 238с.
28. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. - М.: Правда. 1956.
29. Белявский И.Г., Шкуратов А.В. Проблемы исторической психологии. - Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1982. -288с.
30. Белоэмигранты о большевиках и пролетарской революции./ Под ред: Э.А. Наугольных. - Пермь.: Интер-омнис, 1991.-260с.
31. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М.: Наука. 1990. -324с.
32. Бердяев Н.А. Душа России.- Л.: Сказ,1990. -430с.
33. Бердяев Н.А. Русская идея. - М.: Наука, 1990. – 380с.

34. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье: Из истории социальной мысли. -Л.: Наука, 1995. -430 с.
35. Белик А.А. Культура и личность. Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. - М.: Российск. Гос. гуманит. Ун-т, 2001. -190с.
36. Боханов А.П. А.И. Гучков //Россия на рубеже веков. - М.: Наука, 1991. -280с.
37. Бромлей Ю.В.Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. -412с.
38. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму // Труды по социологии и теологии. - М.: Наука, 1997. -336 с.
39. Булгаков С.Н. Неотложная задача (О союзе христианской политики) // Христианский социализм: Споры о судьбах России. - Новосибирск.: Паломник, 1991. -440с.
40. Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. - М.: Наука, 1971. -463с.
41. Введение в этническую психологию / Под ред. Ю.П. Платонова. - СПб.: Спб гос. ун-та, 1995. - 200 с.
42. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. -804с.
43. Вебер М. Политические работы. 1895-1919. - М.: Праксис, 2003.-424с.
44. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. - Свердловск.: Издательство Уральского университета 1991 . -256с.
45. Волобуев П.В., Экономическая политика Временного правительства / Ред. А.Л.Сидоров; - М.: Ин-т истории. АН СССР, 1962.-483с.
46. Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа. - М.: Институт психологии РАН; Издательство «КСП+» 1998. -560с.
47. Герцен. А. И. Собр. соч. в 30 т. - М.: АН СССР, 1956.

48. Грунт А.Я. 1917-й. Революция и контрреволюция / Ред. Г.А. Трукан; АН СССР. Ин-т истории СССР.-М.: Наука, 1976.-387с.
49. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. - М.: Искусство, 1981.-359с.
50. Деникин А. И. Очерки русской смуты. - М.: Воениздат, 1994. -360с.
51. Джидарьян И.А. Представления о счастье в российском менталитете. -Спб.: Алтейя, 2001. -242 с.
52. Дейкер Х., Фрейда Н. Национальный характер и национальные стереотипы // Современная зарубежная этнопсихология. - М.: Изд-во МГУ, 1981.-110с.
53. Дилигенский Г. Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологи» больших групп. // Методологические проблемы социальной психологии /Отв. ред. Е. В. Шорохова. - М.: Наука, 1975. -346 с.
54. Донцов А.И. Проблемы групповой сплоченности. М.: МГУ 1979.-128с.
55. Донцов А. И. Психология коллектива. М., МГУ,1984.208с.
56. Дробижева Л.М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения // Социальная психология и общественная практика. - М.: Наука, 1985.-340с.
57. Дробижева Л.М., Сусоколов А.И. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы // Советская этнография. 1981. - №3. – 8с.
58. Думова Н.Г. Новые тенденции в современной зарубежной историографии буржуазного либерализма в России // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии.- М.: МГУ, 1985. -436с.
59. Думова Н.Г.Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. - М.: Наука, 1988.-326с.
60. Душков Б.А. Актуальные проблемы этнической психологии // Психологический журнал.1981.- №5. – 13с.

61. Зеньковский В.В. История русской философии. -Л.: ЛГУ, 1986. - 120с.
62. Игнатъев А.В.Внешняя политика Временного правительства. - М.: Наука, 1974. -340 с.
63. Из глубины: Сборник статей о русской революции /С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.-298 с.
64. Иоффе Г.З. Февральская революция 1917г. в англо-американский историографии.- М.: МГУ, 1970. -260с.
65. Исторический опыт трех революций. Кн.2 Свержение самодержавия. - М.: Наука, 1986. -340с.
66. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. - М.: Правда, 1989. -654с.
67. Карр Э. История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923 гг. - М.: Прогресс, 1990. -630с.
68. Карсавин Л.П. Основы политики //Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. - М.: Наука, 1993. -340 с.
69. Керенский А. Ф. На историческом переломе. - М.: Прогресс, 1991. - 440с.
70. Козлова Н.Н. Социально-историческая психология. -М.: Наука, 1999.-129 с.
71. Катков, Г. М. Февральская революция, -М.: Русский путь, 1984. - 320с.
72. Кон И.С. Психология предрассудка (о социально-психологических корнях этнических предрассудков.)//Новый мир. -1966-№9 -12с.
73. Кон И.С. К проблеме национального характера // История и психология. - М.: Наука, 1971. -430с.
74. Кцоева Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов // Психологический журнал,1986-№2.-14с.

75. Кэмпбелл Д. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность // Психологические механизмы регуляции социального поведения. -М.: Наука, 1979. -268с.
76. Лебон Г. Психология народов и масс. - Спб.: Изд-во «Макет», 1995.-248с.
77. Леви-Брюль Л. Сверхестественное и первобытное мышление. -М.: Педагогика-Пресс, 1930. -540с.
78. Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5-е, в 55-ти т., -М.: 1971-1975.
79. Лейберов И.П., Рудаченко С.Д., Революция и хлеб. -М.: Мысль, 1990.
80. Лосский В.Н. Боговидение. - М.: АСТ, 2003.-758с.
81. Лурия А.Р. Об исторической природе психических процессов. - М.: Наука, 1974.- 438с.
82. Лурье С.В. Историческая этнология - М.: Аспект-Пресс, 1998.- 534с.
83. Лукомский А. С. Из воспоминаний./АРР, - М.: Терра-Политиздат, 1991. Т.5—6, -128с.
84. Материалы для биографии М. Бакунина./Ред. и примеч. В.П. Полонского. 2. М.; Л.: Правда, 1933. -348с.
85. Мельгунов С. Я.. Красный террор в России 1918—1923. - М.: СП РИУСО, 1990. -240с.
86. Мид М. Культура и мир детства. -М.: Наука,1988. -426с.
87. Милюков П.Н.Воспоминания. -М.: Политиздат, 1991.-528с.
88. Минц И. И. История Великого Октября. В трех томах.//. - М.: Наука, 1967. Т.1-458с.
89. Налчаджян А.А, Этническая характерология. - Ереван.: Огебан, 2001. -447с.
90. Ольшанский. Д.В. Основы политической психологии. - Екатеринбург.: Деловая книга, 2001. -496с.

91. Платонов О.А. Русская цивилизация. -М.: Роман-газета, 1995. - 222с.
92. Панов А.И. Участие офицеров русской армии в революционно-демократической борьбе против самодержавия (1905-1907 гг.) М. Гавс, 1992. – 680с.
93. Панов А.И. Русская армия и военное искусство в первой мировой войне. Военная история (Курс лекций, Ч2).-Кстово: НВВСКУ, 1993. - 480с.
94. Панов А.И. Офицерский корпус и политические процессы: мировой опыт и российская действительность. М., РЭА.1999. -360с.
95. Покровский М.Н. Империалистическая война. -М.: Соцэкгиз, 1934. -448с.
96. Полнер Т.И.Жизненный путь кн. Г.Е. Львова. - М.: Русский путь, 117 с.
97. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. -М.: Наука, 1979. -232 с.
98. Пушкарев И.М.Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. - М.: Наука, 1982. -370с.
99. Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. - М.: Прогресс, 1989. -416 с.
100. Раскольников Ф.Ф. «Рассказы мичмана Ильина» -М.: 1934. -360с.
101. Розанов В.В. Сочинения. -М.: Советская Россия, 1990. -330с.
102. Родзянко М. В. Крушение империи./АРР, -М.: Терра-Политиздат, 1993.
103. Сабашников М.В.Воспоминания - М.: Книга, 1983. -463с.
104. Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России// Социальная психология в трудах отечественных психологов. -СПб.: Знание, 2000. -458с.
105. Советская историография Февральской буржуазно-демократической революции. -М.: МГУ, 1979.-296с.

106. Соловьев В. С. Соч. В двух томах. -М.: Мысль, 1990. -640с.
107. Сталин И.В. Соч. 6-ти томах -М.: Правда, 1946.
108. Станкевич Б.В. Воспоминания 1914-1919 г.- Л.: Прибой, 1926. - 360 с.
109. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. -Л.: Наука, 1980.-460с.
110. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: /Учебник для вузов. -М.: Аспект Пресс, 2003. -368 с.
111. Суханов Н.Н. Записки о революции. В 3-х т. -М.: Политиздат, 1991.
112. Троцкий Л. Д. Из истории русской революции. -М.: Политиздат, 1990. -446с.
113. Товадов Г.Т. Этнология. Словарь-справочник. -М.: МГУ, 1998. - 760с.
114. Тульвисте П. Принципы развития в психологии. (Сб. статей. /Под ред. Анциперовой.) -М.: Наука, 1978. -440с.
115. Шаповалов В.Ф. Россиеведение. -М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. -573 с.
116. Шибутани Т. Социальная психология. -М.: Прогресс, 1969. -540 с.
117. Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. -М.: Республика, 1992. -496 с.
118. Шпенглер О. Закат Европы. Морфология мировой истории. - М.: Мысль, 1993. -626с.
119. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. -М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. -412 с.
120. Шутов. А.Д. На руинах великой державы, или Агония власти. 1991-2003 годы. -М.: Вече, 2004. 432с.
121. Федотов Г.П. Письма о русской культуре. (В. Кн.: Русская идея.) - М.: Республика, 1992. -646с.

122. Федотов Г.П. Письма о социализме // Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме: Избр. Статьи. -Спб.: Мысль,1994 -108с.
123. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. - 564с.
124. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». - М.: АСТ, 2004. -190с.
125. Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.,Sanford R. The authoritarian personality.N.Y.W/P1950. -240 p.
126. Adorno T.W. The authoritarian personality.-N.Y.W/P-1950. -320 p.
127. Alport G.W. The nature of prejudice.-Cembridge,1954. -319 p.
128. Anin D.S. February revolution: Was the collapse inevitable?//Sov.Stud,1967.Vol.18.4. -332 p.
129. Austin W., Hatfield E. Equity theory, power and social justice. Justis and social interaction. -Bern.: 1980. -240 p.
130. Bercowitz L. Aggression: a social psychological analysis. -N.Y.: 1962. -432 p.
131. Billig M.G. Social psychology and intergroup relation -L.: AND-Press 1976. -212 p.
132. Campbell D.T. Stereotypes and the perception of group differences // Amer.Psychologist,1967.Vol.22. -340 p.
133. Diab L. A study of intergroup and intergroup relations among experimentally produced small groups // Genetic psychology monographs. L.: ADF, 1970.
134. Festinger L. A theory of cogninive dissonance.- Evanstone.: 1957. -430 p.
135. Gahagan J. Social interection and its anagement. -N.Y. Raven Press -1984. -354 p.
135. Hasegawa Ts. The February revolution: Petrograd,1917. -Seattle.: DW, 1981. -432 p.

136. Hobson J. A., «The reciprocal interaction model of sleep cycle control: A discussion in the light of Giuseppe Moruzzi's concepts,» from Pompeino, and Marsan, C. Ajmone, eds., *Brain Mechanisms and Perceptual Awareness*. -N. Y.: Raven Press, 1981 -340 p.
137. Kochan L. *Russia in revolution*, -N.Y.: Raven Press, - 1890-1917. - 430 p.
138. LeVine R.A., Campbell D.T. *Ethnocentrism: theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior*. -N.Y.: PCP, -1972. -260 p.
139. Lippmann W. *Public opinion*. -N.Y. Raven Press, -1922. -326 p.
140. Norton B.T. *Russian political masonry and February revolution of 1917 // In tern Rev.Social Hist. 1983.-Vol.28. -238 p.*
141. Perrin S. Spenser C. *Independence or conformity in the Asch experimentas a reflection of cultural and situational factors//Brit.J.of Soc. Psychol, 1981. -437 p.*
142. Proto E., Keehn G., *Stereotypes and semantic space//J. of Soc. Psychol. -N.Y.: AF, 1957.Vol.45. -323 p.*
143. Sherif M. *Group conflict and cooperation: their social psychology.- L.: Press-A,1966. -435 p.*
144. Sherif M. *Intergroup conflict and cooperation: the Robers Cave experiment. -Oklahoma.: O-press, 1961. -256 p.*
145. Tajfel H. *Individuals and groups in social psychology//Brit.J.of Soc. and Clin. Psychol.1979 - Vol.18. -687 p.*
146. Tagiuri R. *Person perception//I.Lindzey. E. Aronson (eds.) The handbook of social psychology. -N.Y.: Raven Press, - 1969 -342 p.*
147. Tajfel H. *Social identity end intergroup relations.- Cambridge, Paris.: TGA, 1982. -568 p.*
148. Tajfel H. *Social stereotypes abd social groups//J.C.Turner, H.Giles (eds). Intergroup behaviour.- Oxford.: Oxford Press, 1984. -320 p.*
149. Turner J.C., Brown R.J., Tajfel H. *Social comparison and ingroup favouritism//Eur.J.of Soc.Psychol. L.: GDB, 1979,-Vol.9. -446p.*

150. Vleeming R.G. Intergroup relations in a simulated society//J. of Psychol.1983, -Vol.113 -264 p.

151. Wildman A.The February revolution in the Russian army.
// Fbd.-N.Y.: Raven Press,1970, -Vol.22. -498 p.

152. Worchel S. Cooperation and the reduction of intergroup conflict:
some determining factors//W.G.Austin, S.Worchel (eds).The social
psychology of intergroup relations. – Monterey.: Calif.,1979. -326 p.